

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Босс

СПОРИМ

АЛЕКС КОВАЛЬ ЛАНА ВАЙН

Лана Вайн Алекс Коваль Спорим, босс?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73116283

SelfPub; 2026

Аннотация

Он – брутальный красавчик и владелец ресторанной империи, не прощающий ошибок.

Она – дерзкая девчонка, ставшая его самой большой слабостью.

Одна ночь связала их.

Одно собеседование столкнуло лбами.

А теперь лишь спор способен решить их судьбу.

Он хочет заставить ее умолять о пощаде.

Она хочет заставить его признать поражение.

Правил нет. Победитель получает всё – включая сердце.

История Руслана и Королевы – "Мой любимый (враг) босс"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3. Дава	22
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7. Дава	63
Глава 8	76
Глава 9. Дава	83
Глава 10	95
Глава 11. Дава	106
Глава 12	115
Глава 13. Дава	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Алекс Коваль, Лана Вайн

Спорим, босс?

Глава 1

Утро понедельника встретило меня недружелюбным ветром с моря и навигатором, который, кажется, решил завести меня в преисподнюю. Я брела по незнакомой, вымощенной брусчаткой улице, и мысленно посылала лучи праведного гнева своей лучшей подруге. Высокие шпильки элегантных лодочек то и дело норовили застрять между камнями, грозя переломать мне не только каблуки, но и “ноги”.

«Оль, это просто бомбическое место! Ты обалдеешь! Уверена, тебе понравится!» – щебетала вчера в трубку Анька, когда скидывала мне адрес для очередного собеседования.

Ага, понравится. Я уже почти месяц «балдею» от ее предложений. С тех самых пор, как в начале августа, поддавшись на ее слезные уговоры, я сорвалась с насиженного места и переехала в этот приморский городок. Моя жизнь превратилась в бесконечный кастинг на роль «управляющего мечты». И, надо сказать, кастинг я с треском проваливала.

В родном городе я была нарасхват. Пять лет я вкалывала в одном ресторане, подняв его из убогой дыры до одного из самых популярных заведений. Мое имя было известно в

определенных кругах. Но здесь... здесь я была никем. Просто очередной соискательницей с хорошим, но, видимо, никому не нужным резюме.

Что ж, Королева, если и это место окажется очередной «дырой», я лично приеду и настучу тебе по твоей беременной попе. Хотя нет, беременных бить нельзя. Но укоризненный взгляд, полный вселенской скорби, я тебе обеспечу.

Я тяжело вздохнула, поправив идеально сидящий пиджак брючного костюма цвета слоновой кости. Сегодня я решила пустить в ход тяжелую артиллерию. Безупречный стиль, который кричал о моем профессионализме громче любой папки с резюме. Шелковый топ в тон, элегантные лодочки, легкий макияж и капля любимого парфюма. Я была готова к бою.

Навигатор наконец пиликнул, сообщив, что я у цели. Я подняла глаза и удивленно замерла. Передо мной было стильное одноэтажное здание из темного кирпича и стекла с лаконичной вывеской «Secret». Выглядит... впечатляюще. Дорого, современно и со вкусом. Ничего общего с теми «шашлычками у дяди Вазгена», которые мне доводилось видеть за последний месяц.

Я взглянула на часы. Девять тридцать. Собеседование назначено на десять. Отлично, у меня есть полчаса в запасе. Привычка приходить заранее – моя вторая натура. Ненавижу опаздывать и заставлять людей себя ждать.

Ресторан был еще закрыт. Я прислонилась к прохладной

кирпичной стене, достала телефон и погрузилась в ленту соцсетей, бездумно лайкая фотографии котиков и чужих завтраков. Солнце приятно грело лицо, а легкий морской бриз трепал мое свежеуложенное каре. В такие моменты хотелось верить в лучшее. В то, что сегодня мне наконец-то улыбнется удача, и я найду работу, от которой не будет тошнить в прямом и переносном смысле.

Время тянулось мучительно долго. Город просыпался. Мимо проносились дорогие автомобили, спешили по своим делам деловые люди в строгих костюмах, из открытых дверей кофеен доносился аромат свежей выпечки и горького кофе. Я вдыхала этот воздух перемен, и во мне крепла уверенность. Я должна получить эту работу. Не просто ради денег или статуса. Ради себя. Чтобы доказать этому городу, а главное самой себе, что я чего-то стою.

Ровно в девять пятьдесят пять, как по команде, дверь ресторана открылась, и на пороге появился молодой парень в белоснежном фартуке. Он достал сигарету, собираясь закурить, но заметил меня.

– Доброе утро. Вы к нам? – вежливо поинтересовался он.

– Доброе. У меня назначено собеседование на десять, – мой голос прозвучал ровно и уверенно, хотя внутри все сжалось в тугой комок от волнения.

– А, да-да, конечно. Проходите, – парень шире открыл дверь, пропуская меня внутрь. – Вам прямо по коридору и налево, последняя дверь. Босс уже ждет.

Я кивнула, изобразив на лице самую приветливую из своих улыбок, и шагнула в прохладный полумрак холла. Внутри ресторан выглядел еще лучше, чем снаружи. Стильный интерьер, дорогая мебель, приглушенный свет. Все говорило о том, что у владельца есть вкус и деньги. Сердце предательски екнуло. Неужели это он? Тот самый шанс, которого я так долго ждала? Я мысленно встряхнулась. Рано радоваться. Сначала нужно познакомиться с боссом. Кто знает, какой «сюрприз» ждет меня за той самой дверью.

Я прошла по короткому коридору, чувствуя, как нарастает волнение. Туфли на высоком каблуке стучали по идеальному паркету. Воздух был пропитан ароматом кофе и чего-то неуловимо пряного. Нервы натянулись до предела. Вот и нужная дверь. Темное дерево, золотистая табличка. Я глубоко вздохнула, расправила плечи, придавая лицу самое дружелюбное и профессиональное выражение, на которое была способна, и решительно постучала.

– Войдите, – раздался из-за двери низкий, с легкой хрипотцой, мужской голос, который заставил меня вздрогнуть. По спине пробежали мурашки.

Этот голос... Он показался мне смутно знакомым. Но где я могла его слышать? В голове пронесся вихрь воспоминаний, но ни одно из них не давало ответа. Отбросив лишние мысли, я повернула ручку и толкнула дверь, готовясь к чему угодно. Но то, что я увидела, заставило меня замереть на пороге, а все заготовленные фразы и приветливая улыбка ис-

парились без следа.

За массивным столом из черного дерева, сидел он. В кожаном кресле, которое, казалось, было совсем не создано для таких гигантов, но мужчина выглядел до неприличия органично. На нем были черные джоггеры и обтягивающая футболка того же цвета, которая совершенно не скрывала рельефные мышцы. Грубые армейские берцы. И татуировки на мощных руках.

Романов Давид Игоревич. Мужчина, похожий на сошедшего со страниц брутального романа про викинга. Мужчина, в чьей постели я проснулась одним июльским утром.

Мир на мгновение сузился до размеров этой комнаты. Шок. Вот что я испытала. Холодный, парализующий шок.

Анька! Вот же коза! Это был ее «сюрприз». Ее «шанс» для меня.

Я чувствовала, как кровь отхлынула от лица, а потом с новой силой бросилась в щеки, заливая их предательским румянцем. Первая мысль – развернуться и бежать. Бежать, не оглядываясь, теряя по дороге туфли и остатки самоуважения. Но тут же моя внутренняя «я», та самая гордая и независимая Оля, взбунтовалась. Сбежать? Сейчас? После того как я так тщательно готовилась к этой встрече? После того как я уже вошла в эту львиную клетку?

Секундное замешательство сменилось ледяным спокойствием. Нет, я не развернусь и не уйду. Я Лебедева Ольга Александровна, гордая и самодостаточная женщина, кото-

рая никогда не пасует перед трудностями. И уж тем более перед мужчиной, пусть даже с этим мужчиной у меня и было... прошлое.

Давид что-то быстро печатал на ноутбуке, не поднимая головы, лишь бросил короткое:

– Резюме на стол.

Я молча прошла вглубь кабинета, цокая каблуками по паркету. В воздухе витал аромат дорогого парфюма и чего-то еще... чего-то неуловимо его. Этот запах я бы узнала из тысячи.

Я подошла к столу и с легким шелестом положила свое резюме на самый край.

– Доброе утро. Ольга Лебедева. Мы договаривались о встрече.

Мой голос прозвучал на удивление спокойно и даже немного отстраненно. Спасибо годам тренировок и врожденному умению держать лицо.

Только тогда Дава оторвался от ноутбука и поднял на меня взгляд. Его серые, почти стальные глаза расширились от удивления всего на долю секунды, но я успела это заметить. А потом в них промелькнуло что-то еще. Холодное. Колючее. Раздраженное. Он явно не ожидал увидеть здесь меня. И, судя по всему, был этому совсем не рад. Его лицо превратилось в непроницаемую маску, но я видела, как напряглись желваки на его скулах.

Сюрприз от Аньки удался на славу.

Я же натянула на лицо самую приветливую из своих улыбок. И протянула ему руку для рукопожатия, глядя прямо в его глаза.

Давид на долю секунды замешкался, затем медленно поднялся. Господи, он был еще выше и мощнее, чем я помнила. Настоящая гора мышц, ростом под два метра. Рядом с ним я, со своими ста шестидесятью сантиметрами, ощущала себя гномом. Он нехотя, словно делая одолжение, пожал мою протянутую руку. Его ладонь была горячей и жесткой, а от прикосновения по телу снова пробежал предательский электрический разряд, точно такой же, как и в ту ночь.

Романов молча смотрел на меня, и в его взгляде читалось все что угодно, но только не радушие. Казалось, он вот-вот испепелит меня одним своим видом.

– Присаживайтесь, – наконец, бросил он, кивнув на стул для посетителей. Голос был ровным, но в нем слышались стальные нотки.

Я грациозно опустилась на стул, закинув ногу на ногу и сложив руки на коленях. Королевская осанка, непроницаемое лицо, легкая полуулыбка. Я играла свою роль. Роль успешной и уверенной в себе женщины, пришедшей на деловую встречу, а не к мужчине, с которым провела самую незабываемую ночь в своей жизни.

Та ночь в июле... Она вспыхнула в моей памяти ярким фейерверком. Шумный клуб, громкая музыка, море алкоголя и он – невероятно харизматичный, дерзкий и притяга-

тельный. Его грубоватые шутки, его прямой флирт, его обжигающие прикосновения... Мы совпали, как две половинки одного целого. Это была химия в чистом виде. Страсть, от которой сносило крышу. Но утро принесло с собой отрезвление. Я не из тех, кто строит иллюзии после одной ночи. Я просто оделась и ушла, пока он спал. Без лишних слов и прощаний. Я была уверена, что наши пути больше никогда не пересекутся. Как же я ошибалась.

– Итак, Ольга Александровна, – Давид взял в руки мое резюме, но даже не взглянул на него. Его глаза продолжали сверлить меня насквозь. – Расскажите о себе.

И я начала рассказывать. Четко, по делу, без лишних эмоций. Я говорила о своем опыте, о проектах, которыми гордилась, о своих сильных сторонах. Рисовала перед ним образ идеального кандидата. Профессионала до мозга костей. Хотела, чтобы он увидел во мне не просто девчонку из клуба, а серьезного специалиста, равного ему.

Романов слушал молча, не перебивая. Его поза выражала крайнюю степень напряжения. Он сидел, откинувшись в кресле, скрестив руки на мощной груди, и в его глазах плескался лед. Я чувствовала себя бабочкой, пришпиленной к его столу булавкой. И с каждой секундой все отчетливее понимала – это провал.

Когда я закончила свою пламенную речь, в кабинете повисла тяжелая тишина. Он молчал, и это молчание было хуже любого приговора.

– Что ж, – наконец, произнес Давид, и его голос был лишен каких-либо эмоций. – Благодарю вас за уделенное время, Ольга Александровна. Ваш опыт, безусловно... значителен.

Он сделал паузу, растягивая момент, словно палач, заносащий топор.

– Однако вы нам не подходите.

Глава 2

«Однако вы нам не подходите».

Пять слов. Холодных как сталь его глаз. Резких как удар под дых. Они звенели у меня в ушах, пока я, не помня себя от ярости, неслась прочь из этого пафосного логова брутального самодура. Мои элегантные лодочки, купленные специально для того, чтобы произвести впечатление, сейчас казались орудием пыток. Тонкие шпильки то и дело застревали в щелях между камнями брусчатки, и я едва не ломала себе ноги, проклиная этот чертов город, Аньку с ее «бомбической» идеей и, конечно же, его. Романова Давида Игоревича.

Как он вообще посмел? Отказать мне! Мне! Специалисту, который из задрипанной шашлычной мог сделать ресторан со звездой Мишлен, если бы потребовалось! Я вложила в свой монолог всю свою душу, обрисовала ему такой образ идеального управляющего, что сама себе позавидовала. А он? Он даже в резюме не заглянул! Просто сидел, сверлил меня своим ледяным взглядом, будто я не на собеседование пришла, а милостыню просить.

«Ваш опыт, безусловно... значителен».

Да пошел ты к черту со своим «значителен»! Желваки на его скулах напряглись, когда он это говорил. Я видела, чего ему стоило держать эту непроницаемую маску. Видела, как он был не рад меня видеть. Но причина! Какого черта он не

озвучил причину? Я бы это стерпела. «Извините, Ольга, вы слишком горячая штучка для моей кухни» или «Простите, но я не нанимаю на работу женщин, с которыми переспал». Это было бы честно. Прямолинейно. В его стиле. Но нет же! Он предпочел унижить меня этим безразличным тоном и отказом без объяснений.

Гордость не позволила мне спросить. Я просто встала, натянула на лицо улыбку номер пять «мне-на-вас-плевать» и, чеканя шаг, вышла из кабинета, чувствуя на спине испепеляющий взгляд. Спину я держала так ровно, будто проглотила арматуру, а в голове стучал только один вопрос: «За что?»

Я влетела в подъезд, пулей взбежала на свой третий этаж и с силой захлопнула за собой дверь. Скинула туфли-убийцы, которые тут же полетели в угол. Пиджак отправился следом. Стянула с себя шелковый топ, брюки и осталась в одном белье, тяжело дыша. Взгляд зацепился за мое отражение в зеркале. Злая. Красная. Униженная. Нет, Лебедева, соберись! Ты же занималась боксом, помнишь? Ты можешь держать удар!

Ярость требовала выхода. Физического. Ощутимого. Я походила по своей скромной, но уютной студии, которую Анька оставила мне. Вещи подруги все еще были повсюду. Коробки, какие-то безделушки, старый принтер на комод. И тут взгляд зацепился за антресоль. Точно! Я же видела там что-то, когда разбирала ее хлам.

Встав на стул, я с трудом стянула пыльную коробку. От-

крыла. Так и есть! Среди старых фотоальбомов и плюшевых игрушек лежала она – мишень для дартса и набор дротиков.

План созрел мгновенно. Дьявольская ухмылка растянула мои губы. Я достала телефон. Пару минут копания в галерее, и вот оно, сокровище, которое я скачала той самой июльской ночью. Фотография. Давид на пляже. Спинай к камере. И его великолепные, мускулистые, просто идеальные... ягодицы.

Старенький принтер, оставленный Анькой, пыхтел, скрипел и жевал бумагу, но я была настойчива. Спустя десять минут мучений, заветный снимок, пусть и не в самом лучшем качестве, был у меня в руках. Я прикрепила мишень на стену, а в самое ее яблочко – фотографию романовской задницы.

Красота!

Я взяла в руку первый дротик. Тяжеленький, с острым концом. Прищурилась, целясь в правую «булочку».

– Это тебе за «вы нам не подходите», козел бородатый!

Дротик со свистом вонзился точно в цель. Удовлетворение. Теплое, приятное, растекающееся по венам.

Второй дротик. Целюсь в левую.

– А это за испорченное утро и веру в человечество!

Есть! Прямое попадание.

Я вошла в раж. Дротики летели один за другим. Я мстила ему за все: за свою безработицу, за пятнадцать провальных собеседований, за переезд в этот город, за его рост в сто девяносто пять сантиметров против моих ста шестидесяти, за

его татуировки, за его самоуверенную ухмылку и за ту ночь, которая теперь казалась ошибкой вселенского масштаба.

Когда дротики закончились, я подошла к стене, чтобы оценить результат. Фотография превратилась в решето. Я победоносно улыбнулась. Стало легче. Намного.

Выдернула дротики, собираясь пойти на второй круг, как вдруг по квартире разносится оглушительная трель. От неожиданности я вздрагиваю, и следующий дротик, сорвавшись с пальцев, летит мимо цели, жалобно чиркнув по мишени, упав на пол.

На экране телефона высвечивается улыбающаяся физиономия Королевы. Ну конечно. Кто бы сомневался. Контрольный в голову. Явилась не запылилась, узнать, как я «обалдела» от ее бомбического предложения.

Я глубоко вздохнула, готовясь к разговору. Приняла вызов, прижимая телефон плечом к уху, и как раз в этот момент, с особым цинизмом, метнула дротик. Он с сочным «чпок» впивается аккурат в центр распечатанной на паршивом Анькином принтере голой задницы Давида Романова.

Идеально.

– Слушаю, – бросаю я в трубку, стараясь, чтобы голос звучал как можно более ледяным. Хотя внутри у меня бушует такой вулкан, что Везувий на его фоне – безобидный прыщик.

– Ну что-о-о? – голос Аньки в трубке звенел от возбуждения и плохо скрываемого любопытства. – Рассказывай! Не

томи! Ты же уже должна была вернуться! Как прошло? Место же просто огонь, да? Я когда там была, челюсть до пола отвисла! Представляю, как круто там работать!

Я молча смотрю на мишень. На две половинки одного целого, которые я еще месяц назад имела неосторожность «жмякнуть». И которые сегодня стали причиной моего самого громкого фиаско за всю карьеру.

– Оль, ты чего молчишь? – не унимается Анька. – Тебя что, взяли, и ты от счастья дар речи потеряла?

Я прикрыла глаза, делая глубокий вдох, чтобы не заорать прямо в трубку.

– Почти. Только с точностью до наоборот. Королева, – процедила я сквозь зубы, выдергивая дротик из фотографии его задницы. – Скажи мне, пожалуйста, почему ты не сочла нужным упомянуть одну ма-а-аленькую деталь? Например, то, что босс того бомбического ресторана – это Давид Романов?

На том конце провода повисает недоуменная тишина.

– А это... важно? – в ее голосе сквозит искреннее удивление. – Ну да, это его новый ресторан. Я думала, это будет... приятный сюрприз!

«Приятный сюрприз». Ну да, конечно. Сюрприз из разряда «получи кирпичом по голове».

– Важно? Ань, это не просто важно! Это, блин, ключевой момент всей этой авантюры! Ты подставила меня по полной программе!

– Да ладно тебе, не кипятись! – затараторила она. – Я же из лучших побуждений! Помнила, как он тебе понравился, когда ты на его фотки слюни пускала. Думала, убью двух зайцев сразу: и тебе работа крутая, и личная жизнь, может, наладится. Ну, встретились бы, поговорили, искра, буря, безумие...

– Искра, буря, отказ! – рывкнула я. – Вот что было! Он даже мое резюме не открыл, понимаешь? Просто посмотрел на меня, как на таракана, и сказал, что я не подхожу. Без объяснения причин!

Я ходила по комнате из угла в угол, жестикулируя так, будто подруга стоит прямо передо мной.

– Что-о-о?! – в голосе подруги звенят стальные нотки. – Да он охренел?! Как это «не подходишь»? У тебя опыт – закачаешься, резюме хоть в рамку и на стену! Что за бред? Ты спросила, в чем причина?

– Еще чего, – фыркаю я, гордо вскидывая подбородок, хоть она этого и не видит. – Не хватало мне еще унижаться и выпытывать, чем моя кандидатура не устроила его величество. Не подхожу, значит, не подхожу. Скатертью дорога. Пусть ищет себе другую дуру.

– Так, спокойно, – пытается взять ситуацию под контроль Аня. – Это какая-то ошибка. Руслан мне говорил, что Дава уже несколько месяцев не может найти толкового управляющего. Все ему не такие. Он ищет кого-то с железным характером, профессионала. А тут ты, идеальный кандидат!

– Вот и я о том же! – Я плюхнулась на кровать, зарываясь пальцами в волосы. – Он просто не захотел меня брать. Это было личное, Ань. Я это кожей почувствовала. Он меня ненавидит!

– Да с чего бы ему тебя ненавидеть? – голос Аньки стал серьезнее. – Вы же вроде нормально в клубе потусили тогда, в июле... Ты потом еще в отель поехала отсыпаться. А после мне все уши прожужжала от восторга. Что-то случилось, о чем я не знаю?

Сердце ухнуло куда-то в пятки.

– Нет, ничего не случилось, – соврала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Просто... знаешь, бывают такие люди, которые с первого взгляда вызывают антипатию. Видимо, я попала в эту категорию. Он просто... мудак. Самовлюбленный, бородатый мудак.

– Странно все это, – задумчиво протянула Анька. – Может, стоит позвонить ему? Спросить, в чем дело? Или хочешь, я Руса попрошу? Он быстро ему мозги вправит...

– Только посмей! – рычу я в трубку. – Аня, я серьезно! Не смей никого ни о чем просить, слышишь? Я слишком себя уважаю, чтобы навязываться или выяснять причины. И уж тем более не нуждаюсь в подачках и одолжениях. Если этот ваш Романов-старший решил, что я недостойна этой должности, это его право. И его проблемы. Я не собираюсь из-за этого устраивать разборки. Гордость дороже.

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как злость сменяется все-

ленской усталостью.

– Оль, прости меня, а? – виновато прошептала подруга. – Я правда хотела как лучше.

– Знаю, – смягчилась я. На нее невозможно было долго злиться. – Просто... Я так устала, Ань. Устала от этих бесконечных собеседований, от отказов. Я начинаю думать, что переезд сюда был огромной ошибкой. Может, мне и правда стоит вернуться домой?

– Даже не думай! – тут же взбодрилась она, и я услышала в ее голосе стальные нотки. Это была уже не просто подруга, а Королева Хаоса в действии, готовая защищать свою территорию, то есть меня. – Никуда ты не поедешь! Мы что-нибудь придумаем! Обязательно!

Мы попрощались. Но я знала Аньку. О, я ее слишком хорошо знала. «Мы что-нибудь придумаем» означало, что она уже перешла в режим боевой готовности.

Сейчас она повесила трубку и, сверкая своими разноцветными глазами, развернулась к своему ничего не подозревающему будущему мужу. Я могла практически дословно представить их диалог. Бедный Капитан. Кажется, его ждет шторм. Она же ему весь мозг вынесет, пока он не заставит своего брата-самодура взять меня на работу. Эта сумасшедшая была способна на все, лишь бы я осталась рядом. Только мне не нужна эта работа, где в качестве босса этот «видный мужик», ведущий себя как последняя скотина! Пусть он со своим тяжелым характером и отбитыми шуточками катится

обратно в свой Дубай!

Глава 3. Дава

Дверь с грохотом влетает в косяк.

Уходит.

Соискательница хренова!

Я отшвыриваю поломанную пополам шариковую ручку и дергано подлетаю с кресла. Прохаживаюсь по кабинету, сжимая и разжимая кулаки. Все во мне кипит и клокочет. Вот этой подставы, братец, я тебе никогда не забуду!

Как еще не взорвался прямо в момент этого, так называемого, собеседования – вопрос. А хотелось ее сразу же с порога к черту выставить. Чтобы место знала и нос свой гордо не задирала. Но я же не совсем псих! Я уважаемый, мать его, бизнесмен. Маску достоинства держать надо. Хотя оно, после единственной ночи с ней, уже в унижено и растоптано.

Выслушать пришлось с каменным лицом, через слово мимо пропуская. Она что-то там про гранты-хуянты свои рассказывала. Про рестораны мне какие-то втирала. Про успехи на прошлом месте работы. А я? Едва косоглазие не заработал, пока старательно пытался не утонуть взглядом в ее декольте. Разжигал в себе все сильнее злость на эту заразу, только чтобы не вспоминать, какая нежная и мягкая кожа на шее за ее ушком и как охуенно красиво смотрелись ее острые лопатки, пока я брал ее сзади. И пахло от нее так... так

раздражающе знакомо, в общем.

Бесишь! Ольга-чтоб-тебя-Лебедева.

В дверь раздается стук.

– Что еще надо? – гаркаю я.

– Давид Игоревич, – просовывает свой нос в приоткрытую дверь администратор Олеся, – извините. Но там еще одна девушка на собеседование пришла. Пригласить?

– Резюме ее смотрела?

– Смотрела.

– Подходит?

– Молоденькая, но послужной список неплохой...

Знаем мы послужные списки таких «молоденьких» и как они их себе организуют.

Я растираю ладонью лицо, садясь обратно в кресло.

– Приглашай, – говорю уже спокойней. Хотя до полного дзена мне, как пешему путнику до Аляски. Вот, что за женщина, а? Второй раз в жизни столкнулись, и снова размотала меня своим появлением в хлам!

В дверь вновь стучат.

– Войдите, – бросаю я.

На пороге вырисовывается малолетняя профурсетка лет так двадцати... двух. Максимум.

– Добрый день, я на собеседование, – улыбается девчонка, – меня интересуется должность управляющего вашего ресторана. Меня зовут Анжелика, рада с вами познакомиться, Давид!

– Игореvич.

– Точно. Простите.

– Резюме на стол. И присаживайтесь.

Заискиvающе улыбаясь, эта барби в нежно-розовом платьишке проходит в кабинет. Приземляет свою задницу на стул, элегантно как принцесска, и, откровенно заигрывая, закидывает ногу на ногу, двигая ко мне резюме. Эта коза всего четыре года как совершеннолетняя, но определенно уже изучила эту жизнь и знает, как надо подкупать больших дяденек. Проблема только в том, что во всем, что касается работы, я не подкупный.

Резко дергаю бумажку к себе, показывая тем самым, что хлопанье ресниц на меня не действует, и приступаю к тому, для чего мы здесь и собрались:

– Два вопроса: откуда узнали о вакансии и почему решили, что именно вы подходите на эту должность?

Тупые вопросы для тупой малолетки.

Анжелика открывает рот и... поскакали в мир радужных единорогов.

После этой малышки, у меня начинается чередa собеседований с ребятами на должность официантов и барменов. Штат еще не до конца укомплектован. Оказывается, адекватных работников, жаждущих реально зарабатывать, днем с огнем не сыщешь. Дальше – закупки продуктов и еще куча прочего дерьма, за разгребанием которого я все время вспоминаю Ольгу в своем кабинете. Ее острый взгляд. Пухлые

губы. И гребаная родинка между грудей.

Ар-р-р!

К пяти часам вечера моя башка трещит, и мне приходится признать две вещи. Первая: я заебался решать все мелкие задачи жизнедеятельности ресторана сам. Семнадцать лет в бизнесе, и уже лет десять, как я научился такое делегировать. И сейчас мелкие задачи типа: разборки с поставщиками продуктов, вопросы по сервировке блюд для фото в меню и поиски мастера для починки не работающего кондея – меня дико выводят из себя. И вторая вопиюще ужасная вещь: из всего того навоза резюме, что я просмотрел за последние полтора месяца, Ольга – единственный реальный цветок. Как я не сопротивлялся, но глаза все равно пробежали по личным данным. Пробежали и впечатлились. Как профессионал я бы уже оборвал ей телефон. Как мужик, у которого с ней «было» – я прогоняю ее резюме через шредер и забываю о ее появлении, как о страшном сне.

Правда, ненадолго...

– Принеси мне крепкий черный кофе, – бросаю официантке Лизе, в шестом часу вечера подгребая к дальнему, уединенному столику в общем зале ресторана.

– Момент, Давид Игоревич, – бросает девчонка и убегает. Телефон в моей руке отдает коротким вибро.

Новое сообщение.

Пробегаю глазами.

Роксана: «Смотри, что прикупила сегодня для тебя, Рома-

нов... Заезжай!»

Смотрю на селфи, сделанное явно в какой-то примерочной. Ничего так. Секасное бельишко с дырками в стратегически важных местах. Так сказать, чтобы вообще не париться.

Набиваю:

Давид: «Для меня? Боюсь, размерчик будет маловат. Сегодня занят»

Скидываю и только собираюсь убрать телефон, подтянув к себе чашку с принесенным для меня кофе, да не успеваю. Мобила начинает «тринькать» входящим. От имени вызываемого абонента у меня начинает подергиваться глаз.

– Алло? – отвечаю, бросая нехотя.

– Дав, скажи мне, ты совсем охренел, что раскидываешься такими специалистами как Лебедева?

– Я ее никуда не кидал, – говорю спокойно, – а вежливо сказал, что она нам не подходит.

– По каким, мать твою, критериям «она вам не подходит»? Ты ее резюме видел? – рычит мне в трубу братец, которого не так давно крепенько прихватила за яйца Королева Анна – подруга той самой Ольги.

И нет, это не шутка – его Анна реально Королева. Я паспорт ее видел.

И да, поэтому Русик так бесится. Ибо, чем круче я выкидываю финты в адрес подружки его будущей жены, тем крепче ее маленькая ладошка сжимается на его причиндалах. Эх,

каблучара.

– По всем, – отхлебываю я кофе, мыча от удовольствия. – М, по всем критериям – мимо.

– Назови хоть один?

– Я предпочитаю принцип разделения: мухи отдельно, котлеты отдельно.

– Однако этот принцип тебе не мешает вести дела с мильонами.

– Кореша – это другое. Тут даже не обсуждается.

– Скажи мне, ты совсем ненормальный? Ты пошел на какой-то тупой принцип? Или тебе понравилось собеседовать всякий сброд, поэтому реальным спецам отказываешь?

– Что, настолько больно, да?

– Чего?

– Анька прижала, – ржу я.

– Ты идиот, Романов. Мы тебе реально хорошую девчонку подогнали. Дело вообще не в Аньке моей! – вспыхивает, судя по интонациям, Рус.

– Но... – давлую я интонациями, жопой чуя, что тут должно быть «но».

– Но она мне только что закатила в офисе такую истерику, что мы едва не развелись, – признается нехотя Руслан.

– Я тебя обрадую: вы еще даже не поженились.

– Смешно тебе?

– Грустно. Работы много.

– Ольгу на работу возьми – работы станет меньше!

– Исключено, – обрубая я. – Она со мной работать не будет.

– Да с хера ли? – раздраженно переходит на мат мой интеллигентный братец. – Чем она тебе так не угодила? Это как-то связано с той ночной попойкой, когда вы в клуб свинтили?

– Не-а, – безбожно брешу.

– В чем тогда твоя проблема?

– У меня нет проблем. Проблемы есть у нее, и ей бы с ними к психологу.

– Значит, я прав? Это что-то личное?

Я предпочитаю промолчать, попивая свою зубодробительно крепкую арабику.

– Понял, ты, как всегда, пошел в отказную, – хмыкает Рус. – Дав, моя Королева реально переживает за свою подругу, – меняет тон на жалостливый брат, – а она в положении. Ей нервничать нельзя. Имей совесть, а? Если Лебедева не найдет работу, то уедет в свой родной город. Анька этого очень не хочет. Дай Ольге шанс? Что бы там между вами ни произошло – абстрагируйся, потому что работник она реально первоклассный.

Легко сказать абстрагируйся, когда не тебе утром, после охеренного секса... А, впрочем, неважно. Было и было. Бесит и бесит!

– Лебедева здесь работать не будет. Точка. Передай Королеве своей, что мы с ее драгоценной подругой не сошлись

характерами.

Рус вздыхает.

– Если она меня убьет, виноват будешь ты.

– Да плевать. Косяком меньше, косяком больше... Мою карму уже все равно не отбелить.

Мы с братом перекидываемся еще парочкой рабочих вопросов. Наш разговор обрубается на появлении в его кабинете его будущей жены, которая, судя по «Романов, ты обязан что-то сделать!» – все еще страшно бесится.

Я неторопливо допиваю кофе и в начале седьмого выгребаюсь на улицу. Погода унылая, серая, мерзопакостная. На душе тоже не фиалки цветут. Пишу своим парням, спрашивая, где они ошиваются. Оба в своем спортивном зале. В каком-то веке работают, наверное?

Запрыгиваю на своего старого-доброго «Харли», припаркованного с черного хода. Срываю с руля косуху, накидывая, и завожу мотор. Мой зверь, лаская слух, приятно рычит. Я давлю по газам и со свистом шин срываюсь с места.

Мотоцикл в городе, где преимущественно тесные и узкие улочки – дико удобная вещь. Не приходится стоять в километровых очередях и тухнуть в душном салоне тачки. Я бы и в Дубае на таком гонял. Но там климат не особо располагает для двухколесного транспорта без кондиционера. Поэтому отвожу душу в России-матушке.

Меня еще со школьных времен всегда притягивала эта байкерская тема. Слеты, тусовки, мотопробеги. Брутальные,

необузданные, рвущиеся на дорогах свободные звери. Мое. Моя тема! Но, к сожалению, не обладающая способностями удовлетворить мои финансовые аппетиты. Поэтому в тот момент, как я занялся ресторанами и подался в большой бизнес, мотоцикл перешел в разряд «хобби для души». А мой внутренний зверь был посажен на короткий поводок.

До «Sport line» – спортивного зала братьев-близнецов Миных – долетаю за двадцать минут. С парнями мы дружим еще со школы. За спиной у нас много всякого... разного. И в передраги вступали, и на стрелки гоняли, и бизнес-замуты организовывали. Короче, дружба наша проверена временем, потом и кровью.

Я захожу в современное, стильное фойе, где меня приветливым кивком встречает администратор Лика.

– Привет, генеральные у себя? – машу головой в сторону лестницы на второй этаж.

– Нет, они в зале с матами.

– Неужто решили надрать друг другу задницы? – хмыкаю я.

Лика с вежливой улыбкой пожимает плечами.

Хорошенькая. Давно на нее поглядываю. Но, дабы не будить в Заре и Лесе монстров, на баб на их территории не покушаюсь. Мне-то просто потрахаться, а девчонка потом будет страдать, да еще и уволится, не дай боже. Где эти придурки будут нового толкового админа искать? С кадрами у нас в городе проблема. Как оказалось.

Ольга одна и та...

Блять, забей, Романов!

Прохожу в спортивный зал на первом этаже. Здесь сегодня многолюдно. Кто-то на ринге спаррингуется. Кто-то с инструкторами навыки рукопашного боя отрабатывает. А кто-то в перчатках мутузит грушу.

Друзей нахожу как раз у них. У груш. Стоят и о чем-то трещат. Заметив меня, Леся вскидывает руку. Я киваю и шагаю в их сторону. Оглядываюсь, выискивая среди посетителей знакомые лица. Никого не знаю. Все новенькие.

– Я думал, вы сюда спортом заниматься притащили свои задницы, а вы языками чешете?

– Мы только спустились, – кидает Зара.

– Чутка решили поразмяться, – говорит Леся. – Ты с нами?

Я собираюсь кивнуть, но боковым зрением улавливаю какое-то смазанное движение по правую руку от себя. Оглядываюсь. Там кто-то активно хреначит по здоровой груше. Судя по слабой амплитуде движения снаряда и теряющейся за ним же фигурой – или дрыщ или баба. Очередной удар: кто-то пыхтит, груша слегка отлетает, мелькает прядка светлых волос. Очень похожих на прическу Лебедевой.

Я стискиваю челюсти.

Уже и тут эта «беда» мерещится!

– С вами, – кидая парня и машу головой, сбрасывая наваждение. – Надо выпустить пар.

- А че такое?
- На работе траблы?
- Задрали, нервы сегодня с самого утра, – жалуюсь.
- Рассказывай! – хором.
- Да приходила там на собеседование одна...

Глава 4

Вечер начался не лучше, чем утро. Всепоглощающая, липкая, звенящая в ушах ярость, которая накрыла меня после унижительного собеседования в логове Романова, никуда не делась. Она лишь затаилась, свернувшись тугим, горячим клубком где-то в районе солнечного сплетения, и ждала своего часа. Я пыталась ее утопить в литрах мятного чая, заесть плиткой горького шоколада, заглушить на полной громкости в наушниках самым тяжелым роком, который нашла в плейлистах, все без толку. Зверь внутри требовал выхода. Физического. Ощутимого.

Короткий поиск в интернете выдал список спортивных залов с боксерскими рингами. Я выбрала ближайший, не особо вникая в название и детали. Вместо того чтобы жалеть себя, я оказалась здесь, на пороге незнакомого, но с виду внушительного спортивного зала с лаконичным названием «Sport line».

– Добрый вечер, – девушка за стойкой ресепшен одарила меня дежурной, но приятной улыбкой. – Могу я вам помочь?

– Разовое посещение зала с матами, – отчеканила я, выкладывая на стойку карту. Злость никак не отпускала, и я чувствовала, как подрагивают пальцы.

– Конечно, вот ваш ключ от шкафчика. Раздевалка налево и до конца коридора. Приятной тренировки!

«Приятной» она точно будет. Для меня. А вот для воображаемой физиономии одного бородатого самодура – не очень.

В раздевалке я не церемонилась. Сумка с грохотом полетела на лавку. Я с остервенением стянула с себя джинсы и футболку, швырнула одежду в шкафчик. Леггинсы и обтягивающий спортивный топ, которые я захватила из дома, сели как вторая кожа. Я зашнуровала кроссовки, дернув за шнурки с такой силой, что они, кажется, жалобно пискнули, и собрала волосы в тугий хвост. Посмотрела на свое отражение в зеркале: глаза горят нездоровым огнем, на скулах играют желваки. Идеально. К бою готова.

Зал с матами оказался именно таким, как я и представляла. Здесь пахло потом, адреналином и здоровой агрессией. Гудели низкие мужские голоса, раздавались резкие выкрики инструкторов и глухие, ритмичные удары по снарядам. То, что доктор прописал. Несколько парней спарринговались на ринге, кто-то отрабатывал приемы в центре зала, а у стены висел ряд тяжелых боксерских груш. Моя цель.

Я выбрала самую дальнюю, свободную грушу в углу, чтобы никто не мешал моему сеансу психотерапии. Натянула перчатки. Первые несколько ударов были пробными, я разминала плечи, входя в ритм, вспоминая то, чему меня учили несколько лет назад. Раз-два. Левый прямой, правый прямой. Уклон. Апперкот. Тело помнило. Мышцы отзывались приятной болью.

А потом я закрыла глаза и представила Давида. Его на-

смешливые серые глаза, смотрящие на меня с холодным превосходством. Его самоуверенная ухмылка. Его голос, cedящий сквозь зубы: «Вы нам не подходите».

И я начала бить.

Я колотила тяжелый кожаный мешок, вкладывая в каждый удар всю свою злость, всю обиду, все разочарование этого проклятого месяца. Я выбивала из себя унижение, которое испытала в его кабинете, свою дурацкую надежду на этот «бомбический» шанс, свою усталость от бесконечных поисков работы. Удар. Еще один. Груша раскачивалась все сильнее, цепи жалобно скрипели. Я тяжело дышала, пот стекал по вискам, но я не останавливалась. Становилось легче. Ярость находила выход, превращаясь в чистую, звенящую энергию.

И в какой-то момент, сквозь шум в ушах я вдруг услышала до боли знакомые голоса. Совсем рядом. Слишком рядом.

Я замерла, придерживая раскачивающуюся грушу. Сердце пропустило удар и заколотилось с новой силой, но уже не от физической нагрузки, а от дурного предчувствия. Я осторожно выглянула из-за своего укрытия.

Ну конечно. Закон подлости во всей своей красе!

Недалеко от меня стояла та самая троица. Два близнеца: Леся и Зара, и он. Давид. Он стоял ко мне спиной, но его широченные плечи, обтянутые черной футболкой, и мощную шею я бы узнала из тысячи. Мужчины о чем-то лениво переговаривались, видимо, решая, с какого снаряда начать свою экзекуцию.

– Да приходила там на собеседование одна... – донесся до меня его низкий, с хрипотцой, голос, который сегодня уже один раз отправил мою самооценку в нокаут.

Я затаила дыхание и вся превратилась в слух, чувствуя, как холодная волна снова поднимается из глубины души.

– Так у тебя уже больше месяца на собеседования ходят, в чем проблема? – это был голос Леси, я узнала его.

– Это был особый случай, – бросил Давид таким тоном, будто сплюнул что-то мерзкое.

– Настолько горячая? – тут же оживился Зара.

– Или настолько страшненькая? – подхватил брат.

Внутри меня все сжалось. Сейчас он скажет. Выдаст какую-нибудь пошлую гадость, и я...

– Настолько раздражающая, что после встречи с ней весь день пошел по звезде! – рявкнул Давид, и от его голоса, казалось, вибрировал воздух.

Раздражающая. Ну спасибо. Комплимент дня. Я стиснула зубы так, что они заскрипели.

– О-о, значит стопроцентно наш вариант, – хмыкнул Леся. – Принял?

– Нет. Отказал. Эта девчонка слишком уверена в себе, мне такие выскочки не нужны. Так что и ноги ее в моем ресторане не будет! – отрезал Романов так категорично, что у меня перед глазами потемнело.

Вот же... козлище! Это я-то выскочка? А ты в зеркало давно смотрел, мужлан?!

Все внутри меня вскипело с новой силой. Унижение, которое я с таким трудом выбивала из себя последние полчаса, вернулось, умноженное на десять.

– Да больно надо! – фыркнула я, сама не ожидая, что скажу это вслух.

И вложив в один-единственный, последний удар всю свою ярость, всю обиду, все свое «да пошел ты к черту, Романов!», я от души зарядила правой по груше.

Сила удара, помноженная на адреналин и праведный гнев, оказалась запредельной. Я, кажется, даже услышала, как треснула кожа на перчатке. Тяжелый снаряд, жалобно скрипнув цепью, сорвался с места и с неестественной, какой-то сумасшедшей амплитудой полетел в сторону.

Прямо в плечо ничего не подозревающего Давида.

Раздался глухой, тяжелый удар и удивленно-болезненный выдох. Троица замерла. Разговоры оборвались. Давид качнулся, сделав шаг, и медленно, очень медленно обернулся в мою сторону. Его лицо было искажено смесью боли и бешенства.

В повисшей мертвой тишине, нарушаемой лишь моим сбившимся, тяжелым дыханием, прозвучал его ледяной, полный ярости голос:

– Ты что творишь, больная?

Я медленно сдернула с рук перчатки, с вызовом бросила их на пол и, глядя ему прямо в стальные глаза, процедила с самой ядовитой ухмылкой, на которую была способна:

– Ой, извини, что так... слабо. Надо было сильнее зарядить.

На несколько секунд в зале воцарилась абсолютная тишина. Казалось, даже парни на ринге перестали дышать, а музыка в колонках стихла. Все внимание было приковано к нашему маленькому углу. Давид смотрел на меня так, будто решал, как именно меня прикончить: быстро или медленно и мучительно. В его серых глазах бушевал настоящий шторм.

Первыми из ступора вышли близнецы. Их лица, до этого озадаченные и напряженные, расплылись в узнавании, а затем и в откровенно веселом, почти детском изумлении.

– Так это же... – начал Зара, толкая брата локтем.

– Та самая горячая штучка из клуба! – закончил за него Леся, бесцеремонно и с явным удовольствием оглядывая меня с ног до головы. – Ольга, верно? А мы уж думали, куда ты пропала. Помним, как ты с Давой тогда зажигала!

Их дружелюбный, почти радостный тон и дурацкие улыбки совершенно не вязались с ледяной яростью, исходившей от их друга. От воспоминания про «зажигала» щеки вспыхнули, но я не позволила себе отвести взгляд.

– Она самая, – холодно подтвердила я, не отрывая взгляда от Романова. Мой голос прозвучал ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

– Заткнулись оба, – прошипел Романов, не сводя с меня испепеляющего взгляда.

Он медленно помассировал ушибленное плечо и шагнул

ко мне. Высоченный, мощный, как скала. Рядом с ним я снова почувствовала себя маленькой.

– Лебедева, ты совсем страх потеряла? – его голос был тихим, но в нем вибрировала такая угроза, что у любого другого поползли бы мурашки по коже. Но я была слишком зла, чтобы бояться. Вся моя злость переплавилась в холодную решимость.

– Потеряла, – легко согласилась я, гордо вскинув подбородок. – Где-то по дороге сюда, между унижительным собеседованием и твоим нытьем за моей спиной. Не подскажешь, где найти? А то мне еще домой возвращаться.

– Язык у тебя острый, я смотрю, – процедил Давид, делая еще один шаг и сокращая дистанцию между нами до минимума. От него пахло мужским парфюмом и чистой агрессией.

– А кулаки еще острее, – не осталась я в долгу, кивнув на все еще раскачивающуюся грушу. – Хочешь проверить? Как раз размялась неплохо.

– Какая дерзкая! – восхищенно присвистнул Леся, который, кажется, получал от нашей перепалки огромное удовольствие. – Дав, она тебе вызов бросает! Это же круто! Ты посмотри, какая фурия!

Давид проигнорировал его, продолжая сверлить меня взглядом. В его глазах на мгновение промелькнуло что-то помимо гнева. Но оно тут же утонуло в ледяной ярости.

– Чего ты добиваешься, Ольга? – спросил он уже громче,

так, что его слышали все вокруг. – Пришла устроить сцену? Думаешь, я после этого изменю свое решение?

– Я? Устроить сцену? – я картинно изумилась, приложив руку к груди. – Романов, не льсти себе. Твое эго и так размером с этот спортзал. Я пришла выпустить пар после крайне унижительного собеседования с одним бородатым самодуром, который возомнил себя богом ресторанного бизнеса. И, знаешь, мне почти удалось, пока я не услышала твое нытье. «Ноги ее в моем ресторане не будет!» – я передразнила его грубый голос, скривив губы. – Да сдался мне твой ресторан! Я бы к тебе и посудомойкой не пошла после такого отношения. Слишком себя уважаю.

Напряжение между нами можно было резать ножом. Романов молчал, лишь желваки ходили на его скулах. Я видела, что он на пределе. Что еще слово – и он взорвется. И, будь что будет, я была готова к этому взрыву.

И тут в нашу дуэль снова бесцеремонно влез Леся.

– А вот это зря ты так, Дав, – он подошел и по-дружески хлопнул Романова по здоровому плечу. – Девчонка-то с характером. Огонь! Как раз то, что тебе нужно, чтобы разогнать твое болото. А то ходишь кислый, как лимон.

– Лесь, не лезь, – рыкнул Давид.

– Не-а, вот тут я влезу! – не унимался близнец. – А давайте так! – щелкнул он пальцами, а его глаза загорелись азартным огоньком. – Устроим спор! Выясните отношения как настоящие спортсмены. На ринге! Ольга, ты, я вижу, не промах.

Давид наш тоже грушу побить любит. Один раунд. Три минуты. Если ты продержишься или, – он хитро подмигнул, – хотя бы разок хорошенько вмажешь этому самоуверенному кретину – он дает тебе испытательный срок с полной оплатой труда. А если нет... Ну, тогда извинишься за плечо. Идет?

Я ошарашенно посмотрела на Лесю, потом на Давида. Это была самая идиотская идея, которую я слышала в своей жизни. И самая соблазнительная. Унизить его. На глазах у его друзей. Доказать, что я не просто «бесячая девчонка». Это было бы слаще любого трудового договора.

– Я не дерусь с женщинами, – холодно бросил Давид, но я видела, как в его глазах промелькнул интерес.

– А она и не женщина, она – боец, – парировал Зара, впервые вступая в разговор. – Ты боишься, братан? Что эта малышка надерет твою наглую задницу?

Это был удар ниже пояса. По его самолюбию. Давид медленно перевел на меня взгляд. В нем плескался азарт. Он принимал вызов.

– Хорошо, – выдохнул он. – Один раунд. Но если ты проиграешь, Лебедева, ты не просто извинишься. Ты больше никогда не подойдешь к моему ресторану ближе чем на сотню метров. И от меня тоже будешь держаться как можно дальше.

Мое сердце сделало кульбит. Это был шанс. Один на миллион. Глупый, рискованный, сумасшедший. Но мой. И я не собиралась его упускать!

– Идет, – без колебаний ответила я. – Готовь трудовой до-

говор, Романов.

Мы стояли на ринге друг напротив друга. Близнецы, предвкушая шоу, суетились вокруг Давида, натягивая на него перчатки. Я же, в своем углу, чувствовала, как вся моя ярость превращается в холодную сосредоточенность.

– Готовы? – крикнул Леся и ударил в небольшой гонг. – Бой!

Как я и ожидала, Давид не бросился в атаку. Лениво двигался по рингу, опустив руки ниже, чем положено, демонстрируя полное пренебрежение к моей угрозе. Он был уверен в своем превосходстве, и я собиралась использовать эту самоуверенность против него.

Первую минуту я работала на дистанции, прощупывая его защиту быстрыми джебами. Дава отбивал их или уворачивался с оскорбительной легкостью. Он был быстрее, чем я думала, и двигался с плавной грацией хищника. Играл со мной, позволяя мне тратить силы.

– И это все, Лебедева? – протянул мужчина с ухмылкой, легко уйдя от моей очередной атаки. – Я начинаю скучать.

Решил перейти от пассивной защиты к активному унижению, значит? Хорошо, посмотрим кто кого.

Я ринулась вперед для серии ударов по корпусу, он резко сократил дистанцию, но не для того, чтобы ударить. Романов увернулся и, пользуясь моментом, звонко шлепнул меня перчаткой по заднице.

– Эй! – возмущенно выкрикнула я.

– Защищай тылы, – ухмыльнулся он.

Зал взорвался хохотом близнецов. Мои щеки вспыхнули от гнева и стыда.

– Ах ты...! – ярость на мгновение ослепила меня, и я бросилась на Давида, забыв про тактику.

Этого он и ждал. Поймал меня, легко развернул и отвесил второй шлепок, более сильный и унижительный.

– Сосредоточься, – прошептал Дава мне на ухо, и в его голосе звучала насмешка. – Ты дерешься как девчонка.

И в этот момент что-то щелкнуло. Он прав. Я дерусь на эмоциях. Позволяю ему вывести меня из себя. Хватит. Я посмотрела ему в глаза, и моя улыбка, должно быть, выглядела зловеще.

Давид оттолкнул меня, ожидая новой волны бессмысленной агрессии. Но я сделала то, чего мужчина явно не ждал. Я отступила. Опустила руки, тяжело дыша, показывая всем своим видом, что выдохлась. Пошатнулась, как будто ноги меня больше не держали.

– Что, уже все? – его ухмылка стала еще шире.

Романов поверил. Уже решил, что выиграл меня.

Пошел ко мне, неспешной, вальяжной походкой победителя. Его защита была практически на нуле. Он собирался закончить это унижение, возможно, просто вытолкав меня с ринга.

Я ждала, пока мужчина подойдет на расстояние удара. Мои мышцы были напряжены до предела. Когда он сделал

последний шаг, я взорвалась.

Резко качнула корпусом влево, будто собираясь нанести удар по печени. Давид инстинктивно повел плечом, прикрывая корпус. Это была уловка. В то же мгновение, разворачивая бедро и вкладывая вес всего тела, я нанесла удар. Короткий, резкий, отточенный сотнями часов тренировок.

Время, казалось, замедлилось. Я видела, как расширились его глаза от удивления, когда он понял свою ошибку. Слишком поздно. Мой кулак в перчатке врезался ему точно в челюсть.

Раздался глухой, сочный звук удара, который потонул в изумленном вздохе толпы.

Голова Давида мотнулась в сторону. Его огромное тело качнулось, он отступил на шаг, потом на второй, изумленно моргая. Самоуверенная ухмылка сползла с его лица, сменившись шоком. Он медленно поднял руку и коснулся челюсти, на которой уже наверняка наливался синяк.

В зале повисла мертвая тишина. Близнецы перестали смеяться и смотрели на меня с широко раскрытыми глазами.

Я стояла в центре ринга, тяжело дыша, но выпрямившись во весь свой невысокий рост.

Я победила.

Давид медленно перевел на меня взгляд. В нем больше не было насмешки. Только холодная, трезвая ярость и что-то еще... Что-то похожее на запоздалое уважение.

Он стянул перчатки и бросил их на ринг. Подошел ко мне

вплотную, нависая сверху. Я задрала голову, встречая его взгляд без страха. Я выиграла этот спор.

Романов молча смотрел на меня сверху вниз, и желваки на его лице ходили ходуном.

– Завтра, – наконец, произнес он ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом. – В девять. Не опаздывай.

Я молча кивнула, чувствуя, как по телу разливается сладкое тепло победы.

– И учти, Лебедева, – добавил он, наклонившись так близко, что его горячее дыхание обожгло мою щеку. – Это был первый и последний раз. Спуску я тебе не дам. Один косяк – и ты вылетишь оттуда пулей. Поняла?

Глава 5

Гордо цокая каблуками и задирая подбородок так высоко, что аж шея болит, ровно в девять ноль-ноль я оказываюсь все у тех же дверей ресторана «Secret». В полной боевой готовности не только внутренней, но и внешней. Я сегодня выгляжу на все двести баллов из ста! Красная узкая юбка-карандаш, пиджак ей в тон, подчеркивающий декольте черный кроп-топ, лодочки на высоком каблуке и алая помада на губах, убийственно подчеркивающая все их соблазнительные изгибы. Надеюсь, генерального этого ресторана тяпнет инфаркт!

Всю ночь мои «я» вели между собой ожесточенную борьбу. Одна моя личность, та, что мстительная и гордая, представляла, как вытянется лицо Давида следующим утром, когда он поймет, что я его продинамила и не пришла! Другая «я», та, которая нудная и рассудительная, напоминала, что наши сбережения стремятся к нулю, других вакансий нет и не предвидится, ведь туристический сезон в этом городе через пару недель закроется, а возвращаться в родной город – это признание своего поражения и своей никчемности. К тому же, предполагаю, что Романову большее удовольствие доставило бы мое не появление на работе, чем наоборот. А доставлять ему удовольствие, как мы теперь знаем, дело неблагодарное.

Поэтому за час до открытия ресторана я тут.

Готовая к труду и обороне.

Занову руку, планируя постучать в черные стеклянные двери. Краем глаза улавливаю движение с правой стороны. Оглядываюсь.

– А красную коверную дорожку вам не постелить? – рычит выглядывающий из-за угла слегка помятый генеральный, с черной косухой в руке. – Для персонала есть служебный вход, если вы не в курсе, Ольга Александровна, – с титаническим усилием протискивает сквозь свои сжатые зубы мужчина.

Меня мгновенно взрывает!

Но внешне я только позволяю себе улыбнуться, пропев:

– И вам доброе утро, Давид Игоревич, – разворачиваюсь, дефилируя к нему. – Увы, не в курсе. У моего нового начальства вчера был плохой вечер, и оно, видимо, забыло об этой маленькой детали упомянуть, – поравнявшись с мужчиной, задираю голову вверх, отвечая на его недовольный взгляд своим упрямым.

Та ситуация, когда я даже на двадцатисантиметровой шпильке едва достаю ему до подбородка, бесит страшно!

– За мной, – бросает босс и, резко развернувшись, ведет меня к задней части ресторана.

Я топаю за ним следом, стараясь не отставать за его семимильными шагами. Прохожусь взглядом по огромной – во всех смыслах – фигуре, заостряя свое внимание на его

заднице, в фотку которой я вчера с наслаждением весь день втыкала дротики. Губы трогает ухмылка. А он, кстати, в той же самой одежде, что и вчера. Только сегодня футболка в состоянии средней мятости. Не ночевал дома? А где? У любовницы? Интересно, у него тут кто-то есть?

Разгоняю мысли и тут же себя осаждаю. Нет. Лебедева, тебе это не интересно! Даже если у него здесь целый гарем – пле-вать!

Поправляю пиджак и выхватываю взглядом кое-что...

– О-о, – тяну восхищенно, не сдержавшись. – Какой мощный аппарат! – провожу ладошкой по черному, плавному корпусу спортивного мотоцикла, припаркованного неподалеку от ресторана. – Интересно, чей зверь?

– Мой.

– А-а, – тут же вылетает из меня разочарованное. – Тогда не интересно.

Давид оглядывается, пришибая меня своим взглядом.

Я изображаю «рот на замок».

Мы заходим в неприметную дверь со двора и оказываемся в полутемном коридоре. Босс щелкает выключателем. Коридоры служебных помещений озаряет неяркий свет, демонстрируя мне стильную и новенькую отделку в светло-серых тонах.

– Приходить на работу будешь к девяти, – командует мужчина, не оглядываясь. – Персонал на полчаса позже. Твоя задача – подготовить ресторан к открытию и проследить, что-

бы все появились в подобающем виде и без опозданий. Если нет – первый раз прощаем, второй раз применяем штрафные санкции. Я разброда в своем ресторане не потерплю. Все ясно?

– Предельно, – по-деловому бросаю я, заглядывая в помещения, что мы проходим.

– Здесь кухня. Здесь комната отдыха, где повара и официанты обедают. В конце коридора кладовая, холодильная комната, уборная, хозяйственный склад и раздевалка. В той стороне небольшой коридор и два кабинета. Один – мой. Второй – твой, – бросает босс, – пока что... – бубня себе под нос.

– Не верите в меня, Давид Игоревич? – не сдержавшись, подкалываю я.

– Не верю в себя и свое терпение, Ольга Александровна, – бросает этот мужлан. – Ключи от ресторана и код от сигнализации на столе. Вся документация, с которой тебе нужно ознакомиться по поставкам, тоже. У тебя месяц испытательного срока.

М, месяц? Надо же! Еще по-божески. А я-то думала, даст дня два и, как только найдет к чему придраться, отправит в полет пинком под зад. Знаем мы таких боссов, встречали...

– Я вас не подведу, – хмыкаю я.

Давид бросает на меня взгляд исподлобья и, больше не говоря ни слова, хлопает перед моим носом дверью своего кабинета. И что, даже с персоналом не познакомит? Мудак!

Ладно, где наша не пропадала?

Выделенный мне кабинет оказался небольшим, но уютным. Из вещей: стол, кресло, шкаф с папками, новенький ноутбук и маленький круглый пустой аквариум. Хм, надо бы озаботиться покупкой рыбок. При условии, конечно, что у меня получится здесь задержаться дольше чем на пару смен...

Оставшиеся двадцать свободных минут я провожу за изучением обстановки зала, кухни и других служебных помещений. А ровно в девять-тридцать в ресторан начинают тянуться первые работники. Встречая их на входе, как попугай повторяю с дружелюбной улыбкой:

– Здравствуйте, я – Ольга Александровна, ваш новый управляющий!

Хорошо, у меня визуальная память отменная! Я с ходу запоминаю всех ребят и мысленно ставлю себе галочки: кто улыбнулся, а кто скорчил гримасу. К слову, такая тут была только одна. Пока. Официантка примерно моих лет – жгучая брюнетка с острым взглядом и стервозным выражением на красивом лице. Екатерина. Чем я ей так сильно не понравилась – долго гадать не пришлось...

До обеда в ресторане все шло спокойно. Я вникала в тонкости управления, персонал ко мне присматривался, босс своим святым ликом не отсвечивал. Идеально! Но ровно в час, когда я стояла за стойкой хостес и просматривала журнал бронирования, двойные двери разъехались, впуская в помещение зной жаркого сентябрьского дня и посетительни-

цу с надменным выражением на лице, с ходу бросившую мне как подачку:

– Новенькая? Давид на месте? Позови.

Ага-ага, бегу и спотыкаюсь!

Я улыбаюсь, решив не развеивать заблуждение дамочки, говорю:

– Давид Игоревич сейчас занят, – отказывая ей из вредности.

– Девочка моя, для меня он свободен всегда.

– Увы, но мне об этом не сказали.

Дамочка одаривает меня снисходительным взглядом, проходя своими синими «сканерами» по мне с ног до головы. Я захопываю кожаный журнал и отвечаю ей ровно тем же – разглядываю.

Симпатичная, стройная, если не сказать худая, и лишь грудь вываливается из тесного декольте сарафана. Длинные волосы цвета шоколад уложены легкими волнами. Взгляд высокомерный. Губы перекачены филлерами. Макияжа на лице слишком много для дневного времени. В общем, типичная такая баба богатого мужика. Кажется, твой вопрос про любовницу отпал сам собой, Лебедева!

– Малышка, – улыбается снисходительно моделька, – ты, похоже, чего-то не понимаешь, да? Со мной лучше дружить, иначе в два счета рискуешь потерять свое место хостес в этом ресторане. И я сильно сомневаюсь, что тебя с твоим убогеньким лицом еще куда-то возьмут.

Я начинаю закипать.

Убоженькое, значит, лицо?

Вот я бы посмотрела на твое, когда ты узнаешь, что на это мое убоженькое лицо жаркой июльской ночью повелся твой драгоценный Давид!

Стерва!

Мне приходится прилагать огромные усилия, чтобы оставаться внешне спокойной и еще больше, чтобы следующая фраза прозвучала ровно и без наезда:

– Если вам так нужен Давид Игоревич, то что мешает вам ему набрать и сообщить о своем появлении в ресторане? – молодец, я еще и улыбку выдавливаю из себя!

– Он не берет трубку, – фыркает дамочка.

Наверное, потому что ты ему на фиг не сдалась?

– Я же говорю – босс занят, – пожимаю я плечами.

Девушка хмыкает и открывает рот, явно собираясь вылить на меня очередную тонну своего яда, но тут к нам подсакивает та самая невзлюбившая меня Екатерина.

– Рокси, детка, привет! – щебечет официантка, бросаясь чуть ли не в десна целовать эту Рокси.

Рокси...

Фу! У нее даже имя шлюшье!

– Катюнь, привет! Кто это такая? – пренебрежительно кивает в мою сторону «детка». – Совсем какая-то тугодумка. И куда Дава только смотрел, когда ее на работу брал: ни улыбнуться, ни приятное впечатление составить. Всех клиентов

распугает ему.

– В резюме смотрел, – бросаю я, делая шаг из-за стойки хостес.

– Роксана, познакомься, это Ольга Александровна, новая управляющая ресторана, – представляет меня Екатерина.

Дамочка заламывает бровь, снова оценивающе зыркнув в мою сторону.

– А вы... простите? – начинаю я.

– Это Роксана – девушка Давида Игоревича, – снова открывает свой рот «милая» Катенька.

М-м, девушка, значит? Интересно, как давно? И что это у них за отношения такие... свободные?

– Уже почти невеста, – бросает недовольно Роксана.

– Почти не считается, – бурчу я тихонько.

– Прости, что ты сказала? – начинает бычить мадам.

– Говорю: почти угадала. Как только вы зашли, я сразу поняла, что между вами с нашим боссом что-то есть. Вы такая...

– Красивая пара? – хмыкает дамочка.

– Я хотела сказать по-другому, – улыбаюсь я ехидно, – но пусть будет так.

Подружки переглядываются. Кажется, из местного терраума сегодня уползли две змеи.

Я бросаю взгляд официантке за плечо, не тонко намекая:

– Екатерина, кажется, мужчина за третьим столиком просто жаждет сделать заказ.

Она всем своим видом демонстрирует мне свое недовольство и уходит, оставляя нас со своей подругой снова тет-а-тет.

– Так что, Ольга, мне нужно встретиться с вашим начальством. Не могли бы вы...

– Я вам уже сказала, что сейчас Давид Иг...

– Что ты здесь делаешь, Роксана? – неожиданно возникает рядом с нами тот самый «Игоревич». – Я же сказал тебе, что перезвоню, как освобожусь, – бросает, пребывая явно не в восторге от появления в ресторане его девушки. Ах, простите, почти невесты!

– Котик, но я соскучилась, – обиженно вытягивает губы уточкой девушка, бросаясь своему «котику» на плечо. – Решила не ждать и заглянуть к тебе на работу. Тем более все равно была здесь неподалеку.

– Ну-ну... – шепчу я.

Давид зыркает в мою сторону.

Я хмыкаю и отворачиваюсь.

– Мы зайдем второй столик, – командует. – Скажи Марине, чтобы принесла нам два кофе. И хватит уже прохлаждаться за стойкой. Ты забыла, где твое рабочее место?

– Не забыла, – стиснув зубы, говорю я. – Виктория обедает. Я ее подменяю.

– Ее подменяют официантки. Это в твои обязанности не входит.

– В мои обязанности входит все, что касается правильного

функционирования ресторана.

– Ты это мне будешь рассказывать? – рычит босс. – Не забывайся, Лебедева.

Я затыкаюсь. Хотя хочется очень и очень много высказать! Давид одаривает меня взглядом: «не испытывай мое терпение» и уводит свою шлюшку Роксану, уложив свою огромную лапу на ее задницу.

Дамочка напоследок гаденько хмыкает в мою сторону. Я со злости бахаю кожаной папкой по стойке.

Вот же... кретин!

Глава 6

За спиной слышится деликатное покашливание. Я резко оборачиваюсь, готовая испепелить взглядом любого, кто попадется под горячую руку, но натываюсь на смущенное лицо Виктории – нашей хостес.

– Ольга Александровна, простите, я... Я вернулась, – лепечет она, виновато глядя на меня.

– Все в порядке, Вика, – тут же смягчаюсь я, выдавливая из себя подобие улыбки. – Как раз вовремя. А то тут... гости дорогие пожаловали.

Мой взгляд невольно скользит ко второму столику, где воркует парочка голубков. Точнее, воркует одна Роксана, обиженно надув свои губы-пельмени и что-то канюча в самое ухо своему «котику». «Котик» же выглядит так, будто только что проглотил лимон целиком, запив его уксусом. Он сидит, откинувшись на спинку стула, скрестив руки на своей необъятной груди, и сверлит взглядом чашку с давно остывшим кофе. И только напряженно ходящие желваки на его скулах выдают, насколько он «рад» этой встрече.

Ах, какая идиллия. Просто картина маслом «Несчастливы вместе».

Давид зыркает в мою сторону, и наши взгляды сталкиваются. В его глазах – чистый, концентрированный яд. Я победоносно вскидываю подбородок и отворачиваюсь, делая вид,

что мне до него нет никакого дела. Хотя на самом деле все внутри меня поет и пляшет от осознания того, что я – причина его дурного настроения. Ну, по крайней мере, одна из них. Вторая, в лице силиконовой куклы, сидит напротив него.

– Ольга Александровна, – снова тихонько зовет меня Вика, и я возвращаю ей свое внимание. – Спасибо, что подменили.

– Не за что, – я передаю ей папку с бронированиями. – Иди, работай. Только будь осторожна, там за вторым столиком сидит «почти невеста» нашего босса. Дамочка нервная, так что лучше лишний раз ей на глаза не попадаться.

Вика кивает и с опаской косится на столик. Я же, чувствуя себя генералом, отдавшим все необходимые распоряжения, разворачиваюсь и направляюсь в свой кабинет. Нужно перевести дух и составить план мести. Желательно, изощренной и болезненной. Для обоих.

Но моим планам не суждено было сбыться. Не успеваю я сделать и пяти шагов, как меня перехватывает одна из официанток, Марина. У девушки такой вид, будто ее сейчас стошнит прямо на идеально чистый пол.

– Ольга Александровна, простите, можно вас на минутку? – шепчет она, прижимая руку к животу.

– Что случилось? – хмурюсь я.

– У меня... непредвиденные женские обстоятельства, – краснея, признается она. – Очень нужно отойти минут на пятнадцать. Я быстро.

Я вздыхаю. Ну конечно. Один за другим. Что за день такой?

— Хорошо, иди, — киваю я. — Я тебя подменю. Твои столики какие?

— Пятый, седьмой и девятый. Там пока только на пятом гости, они уже сделали заказ. Нужно будет просто принести им напитки, их уже готовят на баре. Спасибо вам огромное!

Марина пулей срывается в сторону служебных помещений, а я, в очередной раз проклиная этот день, иду к барной стойке. Да, в мои обязанности не входит обслуживание гостей, как мне уже любезно напомнил мой драгоценный босс. Но в мои обязанности входит обеспечение бесперебойной работы ресторана. А оставлять клиентов без внимания, потому что у официантки внезапно начался апокалипсис, не в моих правилах. Свободных официантов сейчас нет, все в зале. Так что придется поработать своими ручками.

Забираю в баре поднос с двумя бокалами вина и направляюсь к пятому столику. За ним сидит мужчина. Один. И какой мужчина! Высокий, даже сидя, это видно. Широкоплечий. В дорогом, идеально сидящем костюме. Светлые волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Пронзительные голубые глаза и волевой подбородок. Красив. Ухожен. Богат. От него так и веет уверенностью и деньгами.

— Ваши напитки, — с вежливой улыбкой ставлю я бокалы на стол.

— Благодарю, — его голос оказывается низким, с приятной

хрипотцой. Он поднимает на меня глаза, и в них проскальзывает откровенный интерес. – А я вас раньше здесь не видел. Вы новенькая?

– Можно и так сказать, – уклончиво отвечаю я, собираясь уйти.

– Меня зовут Андрей. А вас?

– Мои обязанности – следить, чтобы вам все понравилось в нашем ресторане, Андрей. Если у вас будут какие-то пожелания, можете обратиться к любому из наших сотрудников.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но его голос меня останавливает:

– А если мое главное пожелание – узнать ваше имя?

Я медленно оборачиваюсь. На его губах играет легкая, обезоруживающая улыбка. Он не наглый, нет. Он просто... уверенный в себе. Привык получать то, что хочет. И сейчас он хочет узнать мое имя.

Я уже открываю рот, чтобы вежливо, но твердо поставить его на место, как вдруг чувствую на своей спине тяжелый, испепеляющий взгляд. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто меня сверлит. Давид.

Я кошусь в его сторону. Романов больше не смотрит в свою чашку. Теперь все его внимание приковано к нашему столику. Его лицо – непроницаемая маска, но я вижу, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих край стола. Роксана что-то шепчет ему, но он ее явно не слушает. Он вскипает. Я это чувствую кожей.

И это... доставляет мне какое-то злое, извращенное удовольствие.

Я поворачиваюсь обратно к Андрею и дарю ему свою самую очаровательную улыбку.

– Ольга, – говорю я чуть громче, чем следовало бы, чтобы мой голос точно долетел до второго столика. – Меня зовут Ольга.

– Ольга, – повторяет он, смакуя мое имя. – Красивое имя. Такое же, как и его обладательница. Вы сегодня свободны вечером?

А вот это уже перебор.

– Я на работе, – холодно отрезаю я, и улыбка сползает с моего лица.

– Жаль. А я бы с удовольствием пригласил вас на ужин. В любое другое место, разумеется. Чтобы не создавать вам проблем.

Он достает из кармана визитницу, вынимает оттуда карточку и протягивает мне.

– Это на тот случай, если вы передумаете.

Я смотрю на визитку. Андрей Соколов. Генеральный директор какой-то крупной строительной компании. Ну конечно.

Я не беру карточку. Просто стою и смотрю на него, не зная, как правильно поступить. Отказать – невежливо. Взять – дать ложную надежду и, что еще хуже, спровоцировать извержение вулкана за вторым столиком.

И пока я мешкаю, этот самый вулкан решает извергнуться-ся.

Резкий скрип отодвигаемого стула заставляет меня вздрогнуть. Я оборачиваюсь и вижу, как Давид поднимается на ноги. Его лицо искажено яростью.

– Котик, ты куда? – испуганно пищит Роксана.

Но он ее не слышит. Идет прямо ко мне. Семимильными шагами. Сейчас будет буря.

Романов подходит к нашему столику и, не удостоив Андрея даже взглядом, хватает меня за локоть. Его пальцы сжимаются как стальные тиски.

– Вы сюда работать пришли или личную жизнь строить? – цедит мне прямо в лицо.

Воздух вокруг нас, кажется, застыл. Андрей ошарашенно переводит взгляд с разъяренного лица Давида на мое, наверняка пытаюсь понять, что, черт возьми, здесь происходит. Его вежливая улыбка сползла, сменившись напряженным недоумением. В нескольких метрах от нас замерла Роксана, приоткрыв свои накачанные губы в немом изумлении.

Унижение. Горячее, липкое, оно волной захлестывает меня с головой. Этот самодовольный кретин отчитывает меня, как нашкодившую школьницу. На глазах у посетителей. На глазах у своей куклы. После того, как сам же притащил ее сюда и устроил этот цирк. Нет. Я не позволю ему так с собой обращаться! Внутри меня что-то щелкает, и вся моя сдержанность, весь мой профессионализм летит к чертям. Гор-

дось, помноженная на праведный гнев – страшная сила!

Я медленно поднимаю на Давида взгляд. Смотрю прямо в стальные, потемневшие от ярости глаза, и на моих губах расцветает ядовитая ухмылка. Я делаю крошечную паузу, наслаждаясь моментом, прежде чем нанести ответный удар.

– А вы, Давид Игоревич, разве не тем же самым занимаетесь? – мой голос звучит сладко, как мед, но в каждом слове – доза яда. – Не вы ли тащите свои игрушки в кабинет в рабочее время, чтобы... поразвлечься?

Глава 7. Дава

– Стой, Рокс, – уворачиваюсь от очередной попытки де-вушки присосаться к моим губам. – Тормозим, говорю! – рычу, отталкиваю от себя настойчивые женские ладони, заползающие под резинку моих боксеров.

– Что не так-то, котик? – обиженно поджимает губы она.

– Закругляемся, – бросаю и, раздраженно снимая ее с себя, поднимаюсь с постели. – Я не в настроении, – хватаю валяющиеся на полу ее спальни джинсы, торопливо одеваюсь.

– Опять? Дав, ты уже больше месяца «не в настроении». Проблема во мне, скажи?

– Во мне. В тебе все зачетно. Как всегда.

– Тогда позволь мне помочь решить... ее, – ползет кошкой по кровати, подбираясь ко мне ближе, Роксана. – У тебя просто много работы, котик. Ты просто сильно устаешь... Иди ко мне... Я приласкаю...

Я демонстративно застегиваю ширинку.

– Секса не будет. Прости. Поищи себе другого котика на сегодня.

– Романов, я, по-твоему, кто? – возмущенно шипит подруга. – Проститутка какая-то? – психуя, натягивает на свое голое тело покрывало, прикрываясь.

Ага, а я, походу, импотент. По-другому не могу объяснить

тот факт, что даже рядом с красивой, доступной, откровенно вождедеющей меня бабой у меня ниже пояса все лежит мертвым колом. Никакого движения. Умерло!

Думаю об этом и завожусь еще больше. В прихожей запрыгиваю в берцы, накидываю куртку, хватаю телефон с пачкой сигарет и ухожу от девушки по-английски: не прощаясь.

– Ну и катись, козел! – летит мне в спину.

Ну и покачусь. Раз другого мне этой ночью не светит...

Выхожу на улицу и нервно закуриваю. Колбасит меня последние дни не по-детски! Привалившись задницей к мотоциклу, закипаю. Выпускаю дым в темное ночное небо, блуждая глазами по окнам элитной многоэтажки, где Рокс себе пару лет назад купила элитную хату, заработав на нее, полагаю, своими исключительными «талантами» убления.

А со мной вот у нее не прокатывает...

Уже с июля месяца как...

Не вы ли тащите свои игрушки в кабинет в рабочее время, чтобы... поразвлечься?

Стерва, Лебедева!

Нет, не так.

Ведьма, блять!

Ей в клубы надо с огромной предупреждающей табличкой на шее ходить! Чтобы каждый идиот, покушающийся на ее горячее тело, знал, что после секса с Лебедевой у него стремительно разовьется мужская неполноценность.

Как прокляла, честное слово! Что за эти полтора месяца

Рокс только не пробовала делать. Да и не Рокс тоже. А он не реагирует, и все тут... Зараза! Что тебе надо-то, избирательная ты сволочь? Или кто?

В башке тут же образ пигалицы с блондинистым каре всплывает. Ее злющие, мечущие молнии глаза цвета крепкого кофе. И острый язычок, который с ходу выдает ядовитые колкости. Задница эта упругая, упакованная в бордовую юбку, как конфета в обертку.

Ниже экватора тут же предательское шевеление начинается.

Она?

Серьезно?

Да ты мазохист, Давид Игоревич!

После всего, что было летом, все равно она?

Хрен-то там! Я скорее башкой с разбегу влечу в стену, чем еще раз встряну в этот токсичный союз! С меня хватит уже того, что она мне на работе всю неделю глаза мозолит. Каждый божий день в новых нарядах – один сексуальней другого. С самоуверенностью, растущей в геометрической прогрессии. И притягивающая к себе все сальные и похотливые взгляды посетителей нашего ресторана. Улыбки свои раздает напрапалую... Тут на днях один ей вообще веник притащил в обеденное время! Букет, конечно. Но как по мне – чистый безликий веник! Кажется, это был тот же самый чувак в костюмчике от «Армани», который и в первый ее рабочий день подкатывал к ней шары, швыряясь своими визитками. Холе-

ный такой, при бабках. Хотя другой контингент в «Secret» и не ходит.

Ох, скольких мне стоило усилий тогда промолчать! Когда эта бессмертная меня, своего босса, носом ткнула в появление Роксаны. Да кто этой пигалице вообще право слова давал?!

Вот как знал, что нехер было давать ей ни малейшего шанса. И впускать в свой ресторан тоже не нужно было. Как задницей чувствовал, что ничего хорошего из этого не получится. Идиот!

Последний раз затягиваюсь и швыряю потухший бычок в урну. Настроение – дерьмо. Желание только одно – забыться. Кидаю в наш общий с парнями чат клич:

Дава: «Хочу нажраться. Вы со мной?»

Друзья тут же активно вписываются в предложенную мной попойку.

Долго не думая, решаем забуриться в тот самый клуб, где летом отжигали вчетвером с Лебедевой, и договариваемся через полчаса встретиться на месте. У нас там свои люди, свой столик, владелец – наш хороший товарищ. Полный фарш, короче.

Я кидаю сообщение и Русу, предлагая оттянуться с нами. Но этот зануда-подкаблучник отказывается, аргументируя тем, что у них с Королевой на сегодняшний вечер другие планы. Ха-ха, как будто я ждал другого ответа.

Убираю телефон в карман и запрыгиваю на мотоцикл. Ближайшие двадцать минут остается только рев движка, ветер в лицо и ложное ощущение полной свободы.

В клуб приезжаю раньше Зары и Леси. Охрана на входе пропускает без лишних вопросов. Руки друг другужимаем. Сильно не разглядывая посетителей, прохожу и падаю за наш столик в VIP-зале. Музыка долбит во всю мощь колонок. Кажется, даже стены трясутся. В воздухе витают ароматы от кальянов. Под потолком стоит плотная дымка и мельтешат разноцветные лучи стробоскопов, время от времени ощутимо ударяя по глазам. Диджей играет что-то развязное. Толпа на танцполе скачет и визжит. В общем, все как всегда. Из раза в раз. Ничего нового. Пот, похоть и алкоголь.

Замечаю мельтешащую между столиками в коротеньких кожаных шортах официантку. Машу, подзывая.

– Давид Игоревич, добрый вечер! – улыбается знакомая на лицо девчонка, имени которой, хоть убейте, вспомнить не могу. – Что вам принести?

– Как обычно. На троих. Привет.

– Виски со льдом?

Киваю, кидая:

– И что-нибудь закусить.

– Сейчас все сделаю!

Девушка уходит, на ее месте вырастают две одинаковых физиономии. Братья Минеевы или просто миньоны, как мы прозвали их в своем тесном кругу. Честное слово, если бы не

почти двадцать лет дружбы – хер бы я их различил! Два спортивных бородатых брюнета. Смазливые на рожу, и откровенно этим фактом пользующиеся, когда надо склеить девчонку. Парням, как и мне, через три года попрет четвертый десяток, а остепеняться они и не планируют.

– Здорова, Дав.

– Привет, парни.

Обмениваемся рукопожатиями.

Зара и Леся падают на диван напротив меня.

– Чего это тебя сегодня посетила мысль напиться? – спрашивает Леся. – День тяжелый?

– Неделя, – бросаю я. – Благодаря вашим стараниям.

– Ты разве сегодня не у Рокс должен быть? Что-то ты выглядишь не сильно довольным для человека, который только что выскочил из постели горячей цыпочки, – замечает проницательный Зара. – Не срослось?

Я хватаю с подноса подошедшей официантки рокс с виски и делаю глоток. Морщусь. Горечь прокатывается по пищеводу, обжигая. Закидываю в рот ломтик лимона. И, дождавшись, когда официантка отойдет от нашего столика, признаюсь парням неохотно:

– Не срослось. И уже больше месяца ни хера не срастается. Ни с ней, ни с кем либо еще.

– Это как так? – спрашивает удивленно Леся.

– Обыкновенно, – бурчу я. – Не встает.

Парни переглядываются. Момент, и... начинают ржать,

как кони. Обидненько так ржать. Я вообще-то и так донельзя униженная сторона, а эти однолицыые еще и масла в огонь подливают.

– Смешно вам, придурки? А мне вот ни черта. Рокс и так и эдак, а он ноль реакции. Сломался. Вообще не шевелится в ее сторону.

– Так, может, проблема тогда не в нем, а в бабе? – пожимает плечами Зара, отсмеявшись. – Попробуй склеить какую-нибудь горячую девчонку в клубе. Авось все и заработает.

– Думаешь, я не пробовал? Бестолку. Не вставляет! К врачу ходил: с потенцией порядок, все проблемы в голове. Ну куда я эту голову, блять, дену? Я уже шут его знает, что с этим делать, пацаны. Есть идеи, как можно решить этот вопрос?

– Есть, – хмыкает Леся.

– Какой? – выдаем мы с Зарой хором.

– Уйти в монастырь, там этот аппарат совсем не нужен, – говорит Елисей и снова начинает гоготать, довольный своей шуткой. – Я, кстати, тут на днях на маркетплейсе шарил и видел симпатичную рясу в пол. Хочешь, ссылкой поделюсь?

Зара пихает брата в бок, сам едва сдерживая улыбку.

Я закатываю глаза и снова прикладываюсь к виски. Вот так и заводи закадычных друзей – вместо конструктива один стеб.

– Если я в монастырь и уйду, то только в женский. Я буду

биться за свой стояк до последнего. Так просто не сдамся.

– Аминь!

Мы с парнями чокаемся и выпиваем. Какое-то время сидим молча, слушаем музыку, ловим общий клубный вайб. Развалившись на диванчиках, наблюдаем за трущимися на танцполе разгоряченными телами симпатичных посетительниц. Я блуждаю глазами по красивым девчонкам, обдумывая предложение Зары – кого-то здесь, сейчас, сегодня снять. Парочку даже беру на мушку.

Но тут же эту идею отметаю, заливая ее очередной порцией вискаря. Какой смысл трепыхаться? Если даже от перспективы с кем-то потрахаться сегодня – внизу штиль. Никакие пошляцкие картинки не возбуждают. Разве что, если только с этой белобрысой ведьмой в главной роли? Например, картинка, где я ее так хорошенько и со вкусом поджариваю!

Словно заглянув в мою башку, Зара спрашивает:

– Что, как там твоя новая управляющая, Дав? Справляется?

Я поигрываю желваками, нехотя признавая:

– С работой – да, – покачиваю бокал, наблюдая за пляшущими на дне кубиками льда, – справляется. Управленец из Ольги реально получился первоклассный. Коллектив ее принял на ура. Вопросы решает оперативно. Нерадивым поставщикам спуска не дает. Ну это если совсем отбросить лирику.

– А с чем нет?

– С тем, чтобы не выводить меня из себя.

Парни снова ржут.

Я снова чувствую себя главным клоуном в этом цирке.

– Слушай, я никак не пойму, а ты чего так бесишься по ее поводу? – спрашивает Леся. – Нам казалось, что летом у вас все так... тесненько... было, – говорит друг, с хитрой ухмылкой потирая два указательных пальца друг о друга. – Вы же вместе свалили из клуба. Разве нет?

– Тесненько было.

– И что тогда? – непонимающе сводит брови Зара.

– А то, что эта стерва меня, походу, и прокляла, – бросаю зло. – Это после нее у меня проблемы и начались. Потраха-лись, и стояк как отшибло.

– О-о, мужик, походу, ты запал!

– Брехня. Я к этой Лебедевой на пушечный выстрел больше не подойду. Помяните мое слово! После того, как эта пигалица заплатила мне за наш секс, единственное мое чувство по отношению к ней – слепая ярость. Удавить ее хочу, как плешивого котенка, да руки жалко марать.

Парни, притихнув, переглядываются. Я только в этот момент отдуплюю, какого хера только что ляпнул. Читай: самолично вложил в руки этих обезьян гранату. Теперь буду получать отдачу до глубокой старости. Красавчик!

Выругиваюсь.

– Она что сделала? – спрашивает Зара, поддавшись вперед. – Заплатила тебе... за секс?

– Но секс-то хоть отменный был или так, на троечку? – хмыкает Леся.

– На купюру с Хабаровском, – бросаю я, сдавливая пальцами стенки бокала. – Какой это в проституточных расценках секс? – интересуюсь раздраженно.

– Что-то среднее между «я кончила» и «мог бы постараться больше».

Близнецы ржут.

Я снова топлю свою жгучую обиду на Лебедеву в алкоголе. Уже в, черт его знает, каком бокале. Как вспомню то утро, аж наизнанку всего выворачивает от отвращения! Вряд ли в этом мире найдется хоть один нормальный мужик, мечтающий проснуться утром после охеренно горячей ночи с шикарной девчонкой и увидеть на прикроватной тумбе пятитысячную купюру и салфетку с отпечатком женской помады и емким: «Спасибо за секс».

Спасибо? Серьезно, блять?! Таким опущенным я себя в жизни не чувствовал! Меня как будто на колени поставили и прилюдно выпороли. Теперь каждый раз, укладываясь в кровать с бабой, не могу отделаться от чувства, что веду себя как проститутка. Эта коза нанесла мне тяжелую психологическую травму. Из-за этого у меня больше ни на кого и не стоит! Она сломала во мне мужика! Счастье, что я еще не бьюсь в истерике каждый раз при виде новой красивой женщины.

– Я рад, что вам весело, – говорю в конце концов я, ибо эти

идиоты никак не желают униматься. – Если когда-нибудь, с кем-нибудь из вас случится подобное – не плачьтесь в мою жилетку, поняли?

– Да ладно тебе, Дав, может, ты все не так понял?

– Как можно не так понять «спасибо за секс» и бабки, парни?

– Оу, она так написала? Тогда это меняет дело, – качает головой Леся.

– Жестко она тебя... поимела, – цокает Зара.

– Спасибо, а то я сам не догнал...

– Может, это было чистое проявление вежливости?

– Проявление вежливости? – приходит моя очередь готовить. – Проявление вежливости – это приготовить мне завтрак в постель, сварить кофе или сделать минет, на крайний случай, но никак не швырнуть бабки и исчезнуть.

– А ты после не пытался с ней поговорить?

– На хера мне это надо?

– Потому что Олька нормальная, прикольная девчонка, не верится мне, что она могла вот так тебя «щелкнуть» по твоему самолюбию, чувак, – пожимает плечами Зара.

– Ничего в ней прикольного нет, – бурчу. – Не обманывайтесь.

– Ладно, мои аргументы иссякли, – сдаётся Елизар.

– Ситуация, конечно, кринжовая, но, объективно, Олька крутая, – заявляет Леся. – Не каждая так отменно сможет шуткануть! И я все еще считаю, что проблемы с женщинами

у тебя исключительно потому, Романов, что ты выбираешь не тех женщин.

– Это ты сейчас на что намекнул?

– Не думал с ней еще разок повторить? Ну, так сказать, в качестве эксперимента? А вдруг...

– Еще разок? Нет, спасибо. Скажу, как продажная баба со стажем: я знаю себе цену и это точно не пять тысяч рублей. Я так дешево не продаюсь. Больше.

Парни покатываются со смеху.

Я качаю головой и тоже тяну улыбу. Хотя внутри мне совсем не смешно!

Впервые за очень много своих холостых лет я пустил женщину в свой дом. Да, по пьяной лавочке, но, будем честны, не такой уж и «синий» я был в ту ночь. И Ольга она... действительно мне понравилась. Такая не может не нравиться. Слишком много на ее полтора метра роста: ума, красоты, харизмы и гонора. Притягательная она. Горячая. Строптивая. И ночь у нас была фееричная! Отожгли на славу! И я, признаю, где-то в глубине души, открывая утром глаза, надеялся на продолжение. Ну, типа, как в тупых кино? Ленивая утренняя возня под одеялом, кофе, завтрак и обмен номерками, так... на всякий. Самое дерьмовое, что я сто процентов ей бы в этот же вечер и набрал! Потому что да, скотина такая, зацепила! Но все мои воздушные замки рассыпались, когда я увидел ту гребаную записку, как напоминание того, что мы люди реальной жизни, а не герои тупого кино. Вот такая проза...

Я снова киваю официантке, подзывая ее к нашему столу. Заказываю очередную порцию вискаря. Парни начинают по новой разгонять две «смешные» по их меркам темы: Дава импотент и проститутка. Сватают меня в мужа Лебедевой, устроив местное «Давай поженимся». Я забиваю на их дружеский стеб и просто тихо, планомерно выполняю то, что и было задумано – нажираюсь до посинения...

Глава 8

Сон – это роскошь. Особенно тот его вид, когда ты проваливаешься в мягкую, теплую темноту, где нет ни бородатых начальников-самодуров, ни их стервозных «почти невест», ни необходимости доказывать всему миру, что ты не верблюд. Последние несколько суток я существовала на одном лишь адреналине и кофеине, и когда моя голова наконец-то коснулась подушки, я отключилась моментально, словно кто-то щелкнул тумблером.

И вот в самый сладкий момент, когда я почти договорилась с Томом Харди о совместном отпуске на Мальдивах, резкая, наглая трель телефона вырвала меня из объятий голливудской звезды и швырнула обратно в суровую реальность моей скромной студии. Я недовольно замычала, натягивая одеяло на голову. Но телефон не унимался, вибрируя на тумбочке с настойчивостью дятла, нашедшего вековой дуб.

Да чтоб тебя!

Нехотя, на ощупь, я нащарила гаджет. Приоткрыв один глаз, посмотрела на экран и... сон как рукой сняло. Сообщение.

На экране светилось имя, от которого у меня дергался глаз и чесались кулаки: «Давид Романов».

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось с бешеной скоростью. Какого черта ему от меня надо в... Я покосилась

на часы. Три часа ночи! Этот бородатый тиран совсем берега попутал? Или решил уволить меня по СМС, чтобы не ощутить на себе моего праведного гнева?

Пальцы сами разблокировали экран. Сообщение было коротким и таким же наглым.

Босс из Ада: «Забери меня. Клуб «Лабиринт»

И ниже – геолокация.

Я несколько раз моргнула, пытаюсь прогнать остатки сна и поверить в реальность происходящего. Это шутка? Розыгрыш? Глюк в системе? Он что, серьезно?

Забери меня?

Мои пальцы сами собой начали набирать гневный ответ. Кровь стучала в висках, а в голове уже рисовались ядовитые формулировки. Что-то вроде: «Давид Игоревич, с глубоким уважением, идите на хер. Вызовите такси». Или еще короче: «Номер службы такси скинуть?».

Но я вовремя остановилась, занеся палец над кнопкой «отправить». Рассудок, который даже в три часа ночи пытался держать оборону, напомнил мне, что этот наглый мужлан – мой босс. И брат жениха моей лучшей подруги. Послать его – значит, скорее всего, снова остаться без работы. А это, как ни крути, сейчас было непозволительной роскошью.

Черт. Черт. Черт.

Я его подчиненная, управляющая рестораном, а не личный водитель, помощник, или, просто господи, мамочка! Какого лешего он пишет мне?

Тащиться за ним посреди ночи в какой-то клуб – тоже не вариант. Я не его нянька! Психуя и метаясь по кровати, я пыталась найти выход. И он нашелся. Анька! Вот кто виноват во всех моих бедах, пусть и расхлебывает! Ее будущий деверь в беде, пусть ее будущий муж и спасает его! Гениально!

Я тут же набрала номер подруги. Гудок. Второй. Третий. Тишина. На пятом гудке я уже начала нервничать. Набрала снова. И снова. Телефон подруги был либо на беззвучном, либо она спала так крепко, что ее и пушкой не разбудишь. А учитывая ее беременность и недавние токсикозы, было более чем вероятно. После третьей неудачной попытки я сдалась. План «А» провалился.

Оставался план «Б». Забить. Выключить телефон и лечь спать.

Я с силой швырнула телефон на кровать и устало потерла лицо. Тупик. Выбора не было. Если я сейчас просто проигнорирую его сообщение и лягу спать, этот идиот либо вяжется в драку, либо его оберут до нитки, либо он просто уснет где-нибудь в канаве. И хотя последний вариант казался мне самым заманчивым, я понимала, что утром мне же и влетит. От Руслана, от Аньки и, что хуже всего, от моей собственной совести. Иногда я себя ненавижу за свою ответственность!

Почему я? Почему он не позвонил своим друзьям-близнецам? Этим «миньонам», которые вечно крутятся рядом?

Ответ был настолько очевиден, что я сама себе поразились, как сразу не догадалась. Да потому что Леся и Зара, сто

процентов, сейчас находятся там же, в этом самом «Лабиринте», и пребывают в еще более невменяемом состоянии, чем их бородатый предводитель. Скорее всего, это они и напоили Романова до состояния нестояния. Вот же дружки – врагу таких не пожелаешь!

Оставалась только я. Безотказная, ответственная идиотка Лебедева.

– Твою ж мать! – выругалась я вслух, откидывая одеяло.

Перспектива тащиться посреди ночи в клуб, чтобы вызвать оттуда своего начальника, который, к слову, меня терпеть не может, вызывала во мне приступ острой тошноты. Я психовала. Вместо того чтобы спать и набираться сил перед очередным рабочим днем, я должна была изображать из себя сестру милосердия для левого, по сути, мужика.

Да, он мой босс.

Да, он брат жениха моей лучшей подруги.

Но это не делало ситуацию менее абсурдной!

Я натянула первые попавшиеся джинсы, футболку и толстовку. Посмотрела на себя в зеркало. Вид у меня был, мягко говоря, помятый. Растрепанное каре, круги под глазами и выражение вселенской скорби на лице. Идеально. Как раз под стать миссии.

Вызвав такси, я стояла у окна и смотрела на ночной город. Тихие улицы, редкие машины, спящие дома. И где-то там, в одном из этих рассадников разврата, сидит в хламину пьяный Давид Романов и ждет своего ангела-спасителя. То есть

меня.

Ну что ж, Романов, готовься. Ангел уже в пути. И он очень, очень зол!

Такси подъехало к клубу «Лабиринт» через пятнадцать минут. Из-за массивных дверей доносились глухие басы музыки, а у входа курила пара охранников, похожих на два одинаковых шкафа-купе. Я решительно направилась к ним, готовая к долгой и нудной беседе на тему «я к Давиду Романову, он меня ждет». Но, к моему удивлению, один из шкафов, едва взглянув на меня, кивнул и просто открыл дверь. Видимо, был предупрежден.

Внутри меня тут же оглушила музыка и ударил в нос пригорный запах кальянного дыма, пота и алкоголя. Я поморщилась. Протиснулась сквозь толпу танцующих тел, стараясь ни на кого не наступить и не получить локтем в бок. И где его искать? Сообщение не содержало уточнений. Я огляделась по сторонам, выискивая глазами знакомую бородатую физиономию.

И нашла.

Босс сидел за столиком в вип-зоне, развалившись на диване. Точнее, не сидел, а практически лежал. Голова запрокинута, глаза закрыты, одна рука безвольно свисает, почти касаясь пола. На столе перед ним – батарея пустых стаканов и несколько нетронутых закусок. Он был один. Никаких «миньонов» или очередных «почти невест». Просто он. В хламину пьяный. Абсолютно. Тотально. Беспросветно. Дава да-

же не дышал, кажется, просто существовал в какой-то своей алкогольной вселенной.

Я подошла ближе, чувствуя, как злость сменяется какой-то странной смесью жалости и раздражения.

– Романов! – рывкнула ему прямо в ухо, стараясь перекрыть музыку. – Подъем! Дискотека окончена!

Никакой реакции. Он продолжал мирно поживать в своей алкогольной коме, пуская слюну на дорогой кожаный диван. Я потрясла его за плечо. Бесполезно. Его огромное тело было похоже на мешок с картошкой – тяжелое и абсолютно безвольное. Я огляделась в поисках помощи. Официантки шныряли мимо, делая вид, что не замечают ни меня, ни развалившегося на диване клиента. Еще бы, кому охота связываться с пьяным в стельку гигантом?

В отчаянии я схватила со стола стакан с остатками льда и воды, и без зазрения совести выплеснула ему в лицо.

– А-а-а-а, бл..ть, – наконец, промычал Давид, дернувшись. Глаза его с трудом приоткрылись. Мутные, несфокусированные, они бессмысленно уставились на меня. – Ты кто? Фея?

– Ага, зубная, – прошипела я. – Пришла за твоими зубами, если ты сейчас же не поднимешь свою задницу с этого дивана. Вставай, говорю! Твоя карета подана.

– Никуда я не поеду, – пробормотал Романов, снова прикрывая глаза.

– Еще как поедешь. Вставай, сказала!

Я схватила его за руку, пытаюсь поднять. Тщетно. Он был

тяжелый, как гранитная плита. Потянула сильнее, теряя терпение.

– Давай, Давид! Хватит устраивать цирк!

Он вдруг резко поднялся, и я отшатнулась от неожиданности. Качнулся, но устоял на ногах, нависая надо мной.

– Не командуй, – прорычал мне в лицо, обдав волной алкогольного перегара.

В следующую секунду его ноги подкосились, и вся его огромная туша начала заваливаться прямо на меня. Я взвизгнула, пытаясь удержать его, но куда там. Мы вместе рухнули на диван, и я оказалась прижата его весом.

– Слезь с меня, кретин! – задыхаясь, прошипела я, пытаясь выбраться.

Босс что-то невнятно промычал и уткнулся лицом мне в шею. Я замерла, чувствуя его горячее дыхание на своей коже. Приплыли...

Ну и что мне с тобой делать, герой?

Глава 9. Дава

Башка раскалывается. Виски сдавливают железные тиски. Меня даже с закрытыми глазами, лежа на кровати, плющит и тарашит. В глотке засуха. Во всем теле болезненные ощущения, будто меня ночью четверо пинали. Да и в целом состояние такое, что проще было бы сдохнуть, чем проспать. Похмелье – догоняю я.

Давно я им не страдал.

Хотя и не напивался я так тоже давненько...

Облизывая пересохшие губы, переворачиваюсь на спину, и заставляю свои свинцовые веки подняться, явив моему взору этот унылый, пресный мир. Промаргиваюсь, фокусируя взгляд на белом натяжном потолке и идиотской люстре в виде цветка. Что за дешманская совдепия?

Кручу затекшей шеей, поворачивая голову направо – ок-но с яркой, слишком даже, шторкой. От фиолетово-зеленых кругов на ткани начинает рябить в глазах. Зажмуриваюсь, постанывая от того, как херово!

Ни черта не помню.

И не понимаю.

Как я вчера дополз?

А главное... Куда?

Растираю ладонями морду и слышу шорох по правую ру-

ку от меня. В мою больную голову тут же бьет тревожная мысль: неужели я снял какую-то бабу в клубе и у нее этой ночью и «заземлился»? Люстра и расцветка занавески – к такой версии располагают.

Господи, пусть она окажется хотя бы среднего уровня терпимости.

Открывая глаза, оглядываюсь на шум:

– Что, совсем хреново, Давид Игоревич? – слышу ехидный, до боли знакомый, смешок.

И вижу... Да, блять, лучше бы я этого не видел! Тут же хреновей становится втройне!

По комнате фестивалит Лебедева в одних кружевных трусах и полупрозрачном бюстике, под которым я отчетливо вижу очертания маленьких горошин сосков. Чешет босыми ногами, соблазнительно покачивая своей голой упругой задницей, с феном в руке к туалетному столику и с издевкой поглядывает в мою сторону.

– Какого хрена ты здесь делаешь, Лебедева? – хриплю.

– Живу, – взлетает ее аккуратная бровка.

Я внимательней разглядываю обстановку: скромненькая студия в старой панельке, обставленная просто, но со вкусом. Не считая уродской люстры и «вырви глаз» штор.

И я на кровати в этой панельке.

На кровати новой управляющей своего ресторана.

Да ну нет...

Да не мог я!

Или все-таки смог?

Сдергиваю с себя край одеяла – на мне одни боксеры. Футболка и джинсы свисают со спинки стула.

Мы че?

Опять?!

– Твою мать... – выдыхаю я.

– Ага, – многозначительно поддакивает Ольга.

С разбегу, да на те же грабли, Романов!

Я совсем не изящно с бодуна поднимаюсь с кровати. Пытаясь ногами в покрывале, едва не «целую» носом пол. Эта пигалица хохочет. Я психую, откидывая тряпку куда-то на другой конец преступно маленькой коробочки, гордо именуемой квартирой.

Хватаю свои штаны, запрыгивая в штанины – попадая далеко не с первого раза. Девчонка с ехидцей наблюдает за мной в отражении зеркала, продолжая красить свои пухлые губы помадой. Еще и демонстративно «хлопает» ими. Будто мне мало того, что она передо мной почти голая! И что мое тело готово вот-вот на этот факт отреагировать бодрым стояком, даже несмотря на общее дерьмовое состояние. Значит, парни были правы. И это страшно бесит! А злость, наложенная на похмельный синдром – смесь похлеще коктейля Молотова. Я уже готов рвануть.

Моя бедная черепушка так точно...

В затылок резко ударяет. Я морщусь от боли. Растираю переносицу.

– Что такое, Давид Игоревич, головка бо-бо? А вы не пробовали меньше пить?

– А ты не пробовала не совать свой нос, куда не просят?

– Да больно надо! – фыркает. – Вон, – кивает, скорчив свою моську, – таблетка аспирина и стакан воды на тумбе у кровати. Выпей. Полегчает.

– Надо же, какая забота, – рычу, «вжикая» собачкой джинс.

– Не хочешь, как хочешь, – пожимает плечами Ольга.

– Как я здесь оказался?

– Ножками заплетающимися дополз.

– Откуда я узнал твой адрес?

– Не узнал, я сама тебя привезла.

– Нахера? – психую.

– А надо было тебя в отключке на диване в клубе оставить? Так не смогла. Пожалела, дурака.

– Да хоть в клубе, хоть на лавочке в парке, все лучше, чем в твоей кровати, Лебедева.

– Ой-ей, надо же, какие мы стали избирательные! В следующий раз, когда будешь в полном невменозе, своей шлюшке пиши тогда, а не мне. Понял, Романов? – швыряет в меня тушь девчонка.

– «Пиши»? Я тебе что, вчера еще че-то писал?

– Ага, очень не талантливо признавался в любви в стихотворной форме.

– Бреешь! – хватаюсь за телефон, а он сел, поганец. –

Бля-я-я...

– А ты чего так испугался-то? Не переживай, я твоей «почти невесте» ничего не расскажу, котик, – издевается зараза, – ни про эту ночь. Ни про ту, что была летом. Хотя, там и рассказывать-то особо нечего. Так... легкий пшик, когда ждала фейерверк.

– Эту ночь? – цепляюсь за единственное интересующее меня. – У нас что-то этой ночью еще и было?

– То есть совсем ничего не помнишь, бедолага? – улыбается она.

– Лебедева, не играй со мной, – предупреждаю я.

Оля откладывает свою косметичку и грациозно подплывает ко мне, словно тигрица загоняющая в угол обреченную на смерть жертву. Останавливается так чертовски близко, что ее соски за тонкой сетчатой тканью бюстика касаются моей голой груди. Ее метр с кепкой едва позволяет дотянуться ее носу до моих ключиц, но это не мешает девчонке смотреть на меня пиздец как высокомерно и горячо! Настолько, что вся кровь в моем теле резко стреляет вниз, поднимая то, что последние полтора месяца подниматься отказывалось.

Я стискиваю челюсти и завожусь. По-мужски так. Разгоняюсь.

Но, ради всего святого, Романов, кто угодно, но не она!

Однако от аромата ее духов – меня плющит круче, чем от вчерашнего виски.

От близости ее охуенного, не прикрытого ничем тела –

ведет.

Эта зараза проходит ноготками по моему прессу сверху-вниз, царапая. Заставляя мышцы рефлекторно сократиться от невесомости ее прикосновения. Привстает на носочки и, опаяя своим горячим дыханием мое ухо, шепчет:

– Я лучше сдохну, чем позволю еще хоть раз тебе ко мне прикоснуться. Давид. Игореви́ч.

Вот же су...ровая женщина! Ты с кем в игры играть надумала, милая? Там, где ты училась, я с успехом преподавал.

Я резко сжимаю ладонями ее осиную талию и дергаю на себя, впечатывая запредельно близко. Наклоняюсь, касаясь своим носом ее, грозно прошептав ей прямо в губы:

– Спорим, еще сама будешь меня об этом умолять, Лебедева?

– Спорим, босс! – шипит эта королевская кобра мне в тон. – А теперь отваливай, давай! – Тычет ноготком мне в грудь, отталкивая от себя. – А то мне на работу опаздывать нельзя, у меня начальник тиран и самодур, знаешь ли. Не хватало, чтобы из-за твоих попок меня уволили, – хмыкает, швырнув мне в грудь мою же футболку.

– Сама дура. – Огрызаюсь я оскорбленно. – И пошла ты на хер, поняла?

– Ариведерчи! – машет Лебедева и с грохотом захлопывает дверь уборной, прямо давая понять, что мне пора уносить из логова этой змеи свои ноги.

Злой, как сам дьявол, я сгребаю все, что нахожу из своих

вещей, и выскакиваю из квартиры. Уже у подъезда соображая, что до своего дома мне, похоже, придется шлепать пешком. Без куртки. Под морозящим осенним дождем. Потому что у меня севшая труба, нет бабок и я где-то просрал вчера ключи от «Харлея».

Ну что, заебись, побухали.

Дома я оказываюсь спустя невыносимо долгий час от-вратительной пешей прогулки. Раздраженный, уставший, с больной головой и искренним желанием кому-нибудь вма-зать! Чисто так, для успокоения своей буйной души. Первым делом ставлю трубу на зарядку и смотрю, что за «признания в любви» я вчера строчил этой ведьме.

Выдыхаю, когда понимаю, что она мне напиздела. Нет там ничего, кроме единственного сообщения с просьбой меня забрать и геолокацией. И если я правильно сопоставил события по времени, то к тому моменту, когда это СМС улетело к Лебедевой, я был уже на рогах и просто физически не допер бы, как эту локацию ей скинуть. Следовательно... Я нашел, кому дать в морду! А то и сразу в две. Одинаковые.

Проваливаюсь в наш с парнями чат, кидая:

Дава: «Ближайшие пару дней лучше не попадайтесь на моем пути, болваны!»

В ответ от друзей прилетают ржущие смайлики.

Весело им. А мне вот что-то ни черта!

Мысленно ставлю у себя в голове зарубку – отомстить. И,

наконец-то, несущее свое уставшее тело в душ. Отмокая, привожу себя в порядок и еще целый час отпаиваю свою откровенно опухшую морду крепким кофе.

Нет, а какого лешего она вообще туда притащилась? В клуб, за мной? Что-то не верится, что Лебедева настолько сердобольная, что прискакала по первому зову спасти пропадающую душу. Да и я тоже, хорош! Неужели был настолько невменяем, что поехал с ней?

Приходится признать – скорее всего, да. Но тогда новая загадка: как ее неполные пятьдесят килограмм дотащили мои сто до тачки, а потом и до своей квартиры? Волоком, мордой по асфальту? Ничего не понимаю. И не помню. В башке вата! Память как будто форматнули – полный ноль.

К обеду, более-менее очухавшись, нахожу запасной ключ от мотоцикла и еду на такси забирать своего стального зверя на парковку «Лабиринта». Заодно забегаю к тому самому товарищу – владельцу клуба и прошу, как будет время, потряхнуть своих парней из службы охраны и кинуть мне запись с камер видеонаблюдения за вчерашнюю ночь. Может, хоть так удастся восстановить события. Ибо, я напрочь отказываюсь верить в добродетель Ольги. Здесь сто пудов должен быть какой-то подвох! Пытаюсь там же найти свои проебанные ключи от «Харли» и портмоне с картами. Официантки и бармен в голосину: нет, не видели, не знаем, не передавали. Зашибись!

В «Secret» захожу в третьем часу дня. Все еще недовольный, но уже не такой психованный. Во всем зале занято всего три столика. Половина официантов маются от безделья, бармен что-то там колдует с шейкером, видимо выводя новые «эликсиры» для нашего меню, кухня во всю шарашит заготовки на салаты. Я авторитетно рывкаю на прохлаждавшийся персонал зала, отправляя помогать «кухне». Девчонки-официантки вытягиваются по струнке и гуськом чешут куда послали. Вечером у нас банкет важного чинуши. Бронь всего зала. Гостей будет больше сотни. Отдыхать некогда.

Сам закрываюсь в кабинете и с головой зарываюсь в документы. Не хочу думать, что таким образом прячусь от Лебедевой, но особой радости от перспективы увидеться со своей новой управляющей точно не испытываю...

Два часа спустя, едва я успеваю закончить разговор по телефону с прорабом на моей дубайской «стройке» в новой квартире, в дверь раздается стук.

– Войдите, – бросаю.

– Давид Игоревич, тут это, – заглядывает в мой кабинет хостес Вика, – вам просили передать, – кладет на стол мои потерянные ключи и портмоне.

Мои глаза лезут на лоб.

Вот это новости...

– Кто просил?

– Елизар и Елисей Минеевы.

– Вот же сукины дети! – выругиваюсь я.

Лицо Виктории идет пунцовыми пятнами от смущения. У меня все четенько и по полочкам складывается в башке. Сводники недоделанные!

– Они еще здесь? – рычу, бросая трубу на стол.

– Только что вышли, а...

Я вылетаю из кабинета, не дослушивая. Кулаки чешутся хорошенько наподдавать этим изобретательным говнюкам! Пролетаю широким шагом подсобные помещения и зал. Хватаю с диванчика ближайшего столика подушку и выскакиваю в двери ресторана. Эти болваны, толкаясь, заскакивают в таксу на другой стороне улицы.

Замечают меня.

Я швыряю в довольную морду Леси подушку.

– Убью вас, придурки! Только попадитесь мне на глаза!

Парни ржут. Их машина срывается с места. Эти два олуха открывают окно и показывают мне средние пальцы.

– Взрослые мужики, блять! – выругиваюсь. – Устроили какой-то цирк!

Моего дзена как не бывало. Я снова в крайней степени бешенства. Чувствую себя Халком, которому хочется все вокруг крушить. Так меня подставить! Так меня размазать и унизить перед этой пигалицей!

В ресторан возвращаюсь, сжимая и разжимая кулаки. Мысленно прошу никого сейчас не возникать на моем пути, иначе могу сорваться и наорать. Но мой посыл не был услышан. Ко мне подскакивает Леха – наш охранник, которого

какого-то хрена не оказалось на своем рабочем месте.

– Проблемы, босс? – торопливо вытирает губы салфеткой двухметровый шкаф в костюме.

– Проблемы будут у тебя, если еще раз покинешь свой пост в рабочее время. Понял? – гаркаю.

– Так обед же...

– День не пожрешь – не усохнешь. Тебе полезно.

– Понял, босс.

Злой чешу обратно к кабинету под звуки перешептываний подчиненных.

Заглядываю в кухню, недовольно прикрикивая:

– Чем у вас тут так воняет?

– Кальмары подгорели, Давид Игоревич, – бледнеет сушеф.

– Сделайте с этим дерьмом что-нибудь немедленно, а то следующей будет гореть ваша задница, когда вы будете бегать по объявлениям в поисках новой работы!

– Да, босс...

Разворачиваюсь, наметившись на дверь своего кабинета. Резко торможу, уткнувшись взглядом в белобрысую макушку. Вот только тебя сейчас мне не хватало! Съезжаю глазами ниже. Хмыкает, стерва, руки свои в карманы бежевых брюк спрятав:

– О, я смотрю, кому-то больно пр...

– Заткнись, Лебедева, – перебиваю. – Для твоего же блага – не попадайся мне на глаза ближайшие... пару недель! Я не

в настроении с тобой расшаркиваться. Ясно?

— Как будто вы когда-то расшаркивались, Давид Игоревич, — хмыкает заноза. — От вас не то что доброго слова, а даже элементарного «спасибо, Ольга, ты спасла мою задницу этой ночью» — не дождешься.

— Ты? Никогда. Уйди с дороги.

Лебедева демонстративно отступает, вскидывая руки.

Я прохожу, слегка саданув ее плечом.

— Психопат, — слышу фырчок в спину и поджимаю губы, титаническими усилиями заставив себя прикусить язык и промолчать. Иначе, чувствую, эта перепалка вполне способна перерасти в настоящий мордобой! Проблема в том, что я женщин не бью. Даже таких, которые размерами яиц могут с любым мужиком посоревноваться. Стерва...

Сколько еще я вынесу существовать с ней в одном пространстве и почему меня бесит уже одна только мысль, об этой девушке?

Глава 10

Понедельник в ресторанном бизнесе – это как затишье перед бурей. День, когда можно выдохнуть после убойных выходов, подбить кассу, разобрать поставки и морально подготовиться к новому забегу. Но, видимо, это правило не распространялось на «Secret».

Здесь понедельник был таким же безумным, как и суббота. Полный зал. Гул голосов, звон приборов, снующие туда-сюда официанты. Воздух был пропитан ароматами свежесваренного кофе, пряных специй и дорогих духов. Я носилась по ресторану как сраный веник, пытаюсь быть в десяти местах одновременно. И это, пожалуй, было самое точное описание моего состояния.

И сегодня, в начале моей третьей недели в должности управляющей, я чувствовала себя главной укротительницей в этом цирке голодных хищников. За эти дни я, кажется, похудела на пару килограммов, намотав по ресторану марафонскую дистанцию. Но, черт возьми, мне это нравилось! Я была в своей стихии.

Мой мозг работал в режиме многозадачности, отдавая команды со скоростью пулемета.

– Катя, улыбку до ушей, столик номер девять уже пять минут ждет меню! – рявкнула я, проносясь мимо нашей мест-

ной «мисс Стервозность».

– Иду! – недовольно прошипела себе под нос брюнетка, но все же изобразила на лице некое подобие гостеприимства и поплыла к столику.

– Марина, на кухню, живо, заказ для седьмого готов! – переключилась я на другую официантку.

– Уже несу, Ольга Александровна! – бодро отозвалась девушка.

Коллектив, к моему удивлению, принял меня гладко. Ну, почти. Екатерина, наша местная королева драмы с внешне-стью стервозной модели, все еще смотрела на меня как на личного врага, но хотя бы исполняла свои обязанности без откровенного саботажа. Остальные ребята оказались адекватными и трудолюбивыми. Они быстро поняли, что я хоть и требовательная, но справедливая, и готова сама впрячься в работу, если того требует ситуация.

С боссом все было сложнее. Наше хрупкое перемирие, заключенное на боксерском ринге, трещало по швам каждый раз, когда мы сталкивались в узком коридоре. После той ночи, когда я, как последняя идиотка, притащила его пьяное тело к себе домой, напряжение между нами можно было резать ножом. Он сверлил меня взглядом, полным нечитаемой смеси ярости и чего-то еще, а я отвечала ему самой ледяной из своих улыбок, всем видом демонстрируя, что его присутствие меня ни капли не волнует. Врала, конечно. И себе, и ему. Волновало, еще как.

Но сегодня мне повезло. Давид Игоревич с самого утра умотал по каким-то своим важным делам, и я, наконец, могла дышать полной грудью, не ощущая на себе его тяжелого взгляда. Коллектив, кажется, тоже это чувствовал. Без давящего присутствия главного босса все трудились слаженно, без лишнего напряжения, с улыбками на лицах.

Ресторан работал как часы. Я контролировала подачу блюд, улаживала мелкие конфликты, улыбалась гостям, отвечала на их вопросы и чувствовала себя рыбой в воде, с довольной ухмылкой отмечая про себя, что справляюсь. Я обожала эту суету, этот драйв, это ощущение полного контроля над ситуацией. В этом контролируемом хаосе, где от моих решений зависело все, я чувствовала себя живой.

Я подлетаю к барной стойке, чтобы выпить стакан воды, одной рукой отвечая на звонок поставщика оливок, который опять перепутал сорт, а другой жестом показываю бармену, что на баре закончились чистые бокалы для вина. Голова шла кругом.

– Ольга Александровна, тут поставщики приехали, нужно принять товар! – выдергивает меня из рабочего транса подбежавший парень-стажер.

– Да, Егор, иду, – киваю я, заканчивая разговор с поставщиком очередным обещанием кары небесной, если он немедленно не исправит свой косяк.

– Ольга Александровна, шеф-повар просил передать, что лосось заканчивается! – донесся с кухни взволнованный го-

лос су-шефа.

«Да твою ж дивизию!» – мысленно взывала я, но внешне сохранила спокойствие.

– Сейчас все решим! – устремила к служебному выходу, на ходу набирая номер, чтобы наорать на нашего поставщика рыбы.

– Вика, перестань стрелять глазками в того блондина у бара и проверь бронь на вечер! – бросила я, пробегая мимо нашей хостес, которая, кажется, была готова проделать в симпатичном посетителе дыру своим влюбленным взглядом.

Грузчики, кряхтя и матерясь вполголоса, заносили через служебный вход ящики с овощами, свежим мясом и бутылками вина. Я подошла, чтобы проконтролировать процесс, сверить накладные и убедиться, что нам привезли именно то, что мы заказывали, а не позавчерашних тухлых омаров.

– Так, это сюда, это в холодильную камеру, – командовала я, отмечая пункты в блокноте. – Ребята, аккуратней с вином, оно стоит как моя почка!

Отвлечшись на секунду, чтобы ответить на звонок, я отошла в сторону. Разговор занял буквально пару минут, но когда я вернулась, у служебного входа я их и застала. Картина маслом: у распахнутой двери, заставленной ящиками со свежей зеленью и овощами, два одинаковых с лица бородатых брюнета пытались незаметно протащить внутрь нечто огромное и завернутое в плотный черный целлофан. Леся и Зара. «Миньоны». Во всей своей красе. Редко здесь появляющие-

ся, на метко бьющие по самолюбию своего друга.

Грузчики, пыхтя, заносили коробки, а эта парочка, пользуясь суматохой, пыталась прошмыгнуть мимо, как два вредливых кота, стащивших сосиски.

– А ну, стоять! – мой голос прозвучал так резко, что один из грузчиков от неожиданности выронил ящик с помидорами. Помидоры весело раскатились по асфальту. – Какого черта здесь происходит?

Близнецы вздрагивают, как нашкодившие школьники, пойманные директором за курением в туалете. Парни, поняв, что их маневр провалился, медленно выпрямляются во весь свой внушительный рост. На их смазливых лицах отразилась целая гамма эмоций: от мальчишеского удивления до плохо скрываемого, почти наглого веселья.

Они переглянулись, будто безмолвно решая, кто из них будет отдуваться.

Я замерла, прислонившись плечом к прохладной кирпичной стене и скрестив руки на груди. Моя идеально отточенная бровь вопросительно взметнулась вверх, требуя немедленных объяснений.

– О-о, Оленька! Какая приятная и неожиданная встреча! А мы тебя и не заметили, честное слово! – тут же защебетал Леся, одаривая меня своей фирменной обезоруживающей улыбкой, от которой, по всей видимости, должны были таять сердца и ослабевать колени у женской половины этого города. Но мое сердце, закаленное годами работы в общепи-

те и недавним общением с их лучшим другом, было сделано из чистого титана.

– Привет, красавица, – лениво подхватил Зара, бесцеремонно оглядывая меня с ног до головы и задерживая взгляд на моих ногах чуть дольше, чем того требовали приличия. – Отлично выглядишь! Работа тебе определенно к лицу.

– Спасибо за комплимент, только лицо мое находится выше, Елизар. И вы так и не ответили на мой вопрос, – мой голос прозвучал ровно и холодно, без малейшего намека на дружелюбие. Я кивнула на их загадочную, обмотанную черным целлофаном ношу, которая выглядела в высшей степени подозрительно. – Куда это мы крадемся?

– Ну что ты сразу «крадемся», – картинно обиделся Леся. – Мы не крадемся, а выполняем важное поручение!

– Поручение? – скептически переспросила я. – Чье же, интересно? Неужели сам Папа Римский попросил вас доставить ему ящик с... чем бы это ни было? Да еще и через черный ход?

– Почти угадала, – хмыкнул Зара. – Только не Папа Римский, а Давид Игоревич. Наш местный бог и повелитель.

Я удивленно моргнула. Давид? Вот уж не думала, что он станет впутывать этих двух раздолбаев в рабочие дела. Помнится, после инцидента в клубе, он едва их не прибил. Что, уже помирились?

– Дава заказал, – как ни в чем не бывало пояснил Леся, легко перехватывая коробку поудобнее. – Просил нас за-

брать и привезти сюда. Сказал, что сам дико занят, по уши в делах, и ему некогда. Ну а мы что? Мы же друзья, как мы можем отказать?

– То есть вы понятия не имеете, что в этой коробке? – я прищурилась, пытаясь оценить степень их искренности.

– Ни малейшего! – в один голос заверили меня близнецы. Зара даже для убедительности вскинул руки, демонстрируя свою полную непричастность. – Дава сказал: «Парни, надо забрать». Мы и забрали. Сказал привезти в ресторан – мы привезли. Сказал занести к нему в кабинет – вот, несем. Мы исполнительные.

– Очень!

Их объяснения звучали на удивление правдоподобно, хоть и отдавали легким душком какого-то подвоха. Но спорить с ними сейчас, посреди разгрузки, когда каждая секунда на счету, было бессмысленно. К тому же, если это действительно приказ Романова, то мои дальнейшие вопросы будут выглядеть как превышение полномочий.

– Ладно, – вздохнула я, отступая от стены. – Проходите. Только быстро, и чтобы я вас не видела. Кабинет знаете где.

– Есть, мэм! – отсалютовал мне Леся, и они, пыхтя, потащили свою таинственную ношу по коридору в сторону кабинетов.

Я проводила их подозрительным взглядом и вернулась к делам. Нужно было срочно решать проблему с лососем, который имел наглость закончиться в самый разгар обеда. Я

снова набрала номер поставщика рыбы, вкладывая в свой голос всю ту кару небесную, что обещала ему в прошлый раз.

Близнецов не было минут пятнадцать. За это время я успела не только договориться об экстренной поставке рыбы, но и разрулить еще пару мелких кризисов, принять новую партию вина и выписать нагоняй стажеру Егору за то, что он перепутал заказы на двух столиках. Когда я, наконец, выдохнула и решила сделать себе чашку кофе, из-за угла, ведущего к кабинетам, вынырнули донельзя довольные «миньоны». Они шли, не скрывая широченных улыбок, и выглядели так, будто только что сдали на «отлично» самый сложный экзамен в своей жизни или, как минимум, провернули аферу века.

– Ну что, выполнили поручение? – спросила я, помешивая сахар в чашке.

– В лучшем виде! – гордо заявил Зара. – Все на месте, в целости и сохранности. Можешь передать своему боссу, что с него магарыч.

– Непременно, – сухо пообещала я. – Что-то еще?

– Да вот, хотели с тобой парой слов перекинуться, пока ты не занята, – Леся прислонился к барной стойке, принимая вид серьезного бизнесмена. – Мы тут подумали... Ты же спец по раскрутке. Может, подкинешь пару идей для наших спортзалов? А то у нас какой-то застой.

Я удивленно вскинула брови. Вот это поворот. От этих двух я ожидала чего угодно – глупых шуток, флирта, очеред-

ного розыгрыша, но никак не делового предложения.

– А что, ваш «Sport line» уже не катит? – не удержалась я от подколки.

– Да нет, все катит, – отмахнулся Зара. – Клиенты есть, прибыль тоже. Но хочется чего-то нового, свежего. Движухи какой-то, понимаешь? Чтобы народ прям валом валил.

Я задумалась, отхлебнув кофе. Идея родилась сама собой, мгновенно. Я и сама не так давно размышляла о перекрестном маркетинге.

– А вы никогда не думали о коллаборации? – спросила я, и в глазах близнецов тут же зажегся азартный огонек. – Например, «Secret» и «Sport line». Мы могли бы разработать совместную программу лояльности. Ваши клиенты получают скидку у нас в ресторане на специальное фитнес-меню, а наши – скидку на абонемент в ваш зал.

– О-о-о! – протянул Леся, его глаза загорелись. – А это мысль!

– Более того, – продолжила я, входя в раж, – можно устраивать совместные мероприятия. Например, «День здорового образа жизни» с открытой тренировкой от ваших тренеров и последующей дегустацией полезных блюд от нашего шеф-повара.

– Ни фиги себе! – присвистнул Зара. – Ольга, да ты просто генератор идей!

– Я еще и не то могу, – скромно улыбнулась я.

Мы еще минут десять обсуждали детали, и я видела, как

парни загораются все больше и больше. Они оказались не такими уж и раздолбаями, какими хотели казаться. Когда дело касалось их бизнеса, в головах у них явно что-то щелкало. Они тут же начали накидывать свои варианты, дополняя мою идею, и к концу нашего спонтанного совещания у нас был готов черновой план по захвату мира, ну или, по крайней мере, этого города.

– Все, решено! – хлопнул ладонью по стойке Леся. – Мы за! Давай так: ты продумай детали, накидай примерный бизнес-план, а мы пока пробьем почву с юридической стороны. И как только все будет готово – встречаемся и обсуждаем.

– Идет, – кивнула я, чувствуя приятное удовлетворение от проделанной работы.

– Оль, ты лучшая! – выпалил Зара, и, прежде чем я успела среагировать, оба близнеца по очереди быстро чмокнули меня в щеки. – Все, мы полетели, дела не ждут!

И они действительно улетели, оставив меня в легком недоумении.

Я усмехнулась и вернулась к работе.

Прошел почти час. Суматоха потихоньку спадала, ресторан входил в более спокойный, дневной ритм. Я сидела у себя в кабинете, дверь в который предусмотрительно оставила открытой, чтобы контролировать обстановку, и разгребала гору накладных, пытаясь свести дебет с кредитом. Бумажная работа была самой скучной частью моих обязанностей, но необходимой. Я так увлеклась цифрами, что не сразу заме-

тила, как в дверном проеме выросла огромная фигура, загордившая свет.

Я подняла глаза. Давид. Вернулся.

Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и молча смотрел на меня. На его лице не было ни единой эмоции. Выглядел он уставшим, но в глазах плескался знакомый лед.

– Лебедева, – голос его был ровным, но от этого у меня по спине пробежал холодок.

Он помолчал секунду, а затем бросил:

– Зайди ко мне, как тут закончишь, – прозвучал приказ, не терпящий возражений.

Пятой точкой чувствую, ничего хорошего я не услышу.

Глава 11. Дава

Пора с этим заканчивать.

Третью неделю хожу по собственному ресторану, как по минному полю. Постоянно оглядываюсь, напрягаюсь, только бы, не дай бог, с Лебедевой не пересечься и снова не выйти из себя. Это уже даже не смешно. Как сопляк зашуганный, ей-богу! Хотя это моя территория. Мой бизнес. Мой ресторан. И только мне решать, кто будет здесь работать, а кто нет.

И Ольга здесь работать больше не будет. Точка. Все. Я принял решение. Окончательно. И обжалованию это не подлежит. Буду ее увольнять. Сегодня. Сейчас.

Прошедшие недели четко дали мне понять: мы не сработаемся. Никогда. Никак. И ни при каких обстоятельствах. Лебедева бесит меня одним своим существованием. Ее острое словцо, ее гордо задранный нос, ее ухмылка, которая так и кричит: «Я знаю, что ты меня хочешь, Романов, но хрен тебе, а не мое прекрасное тело». И самое отвратительное, что она, в общем-то, права.

А я раздражаю ее. Моя прямолинейность, моя привычка рубить с плеча, мое нежелание расшаркиваться в комплиментах – все это для Ольги как красная тряпка для быка. Наша взаимная ненависть настолько сильна, что оставаться просто профессионалами не получается.

Хотя, справедливости ради, надо признать: она гениальный управленец. Коллектив ее не просто слышит, а слушает. Поставщики, которые раньше пытались втюхать нам всякое дерьмо, теперь ходят по струнке и боятся дышать в ее сторону. Клиенты ее обожают, особенно мужики. Еще бы, такая эффектная блондинка, да еще и с мозгами. Гремучая смесь.

Конечно, я тоже здесь вечность торчать не буду. Уже через пару недель смотаюсь на ПМЖ в свой дубайский рай, где на финальную стадию вышел ремонт в моей новой квартире. Буду наслаждаться солнцем, морем и отсутствием этой бело-брысой ведьмы в радиусе тысячи километров. Но меня триггерит от одной только мысли, что Лебедева здесь. Я не могу и не хочу оставлять свой ресторан на ее попечении. Гордость это? Глупость? Тупой принцип? Да похер! Называйте как хотите. Я так решил. И мое решение не обсуждается.

Я стою в проеме ее кабинета. Ольга сидит за столом, заваленным бумагами, и что-то быстро строчит в ноутбуке. Сосредоточенная, деловая. И до одури сексуальная в этой своей строгой блузке и узкой юбке.

– Что-то не так, Давид Игоревич? – она поднимает на меня свои карие, цвета горького шоколада, глаза, и ее идеальная бровь вопросительно изгибается.

Я прохожусь тяжелым взглядом по ее точеной фигурке, по изящной шее, по губам, которые так и хочется заткнуть поцелуем, чтобы она перестала язвить. Хороша, зараза. И это тоже страшным образом выводит из себя. Несмотря ни на

что, не оглядываясь ни на какие рабочие трудности – всегда идеальная, свежая, горячая. Точно ведьма!

– Зайди, – бросаю и, больше не говоря ни слова, отталкиваюсь плечом от косяка и делаю пару шагов до своего кабинета напротив. Дергаю ручку. Дверь я здесь никогда не запираю – воровать нечего, гостайн в секретерах не храню.

Захожу идвигаю в сторону рабочего стола, когда мое внимание привлекает что-то крайне инородное в углу. Что-то, чего там быть не должно. В принципе. Никогда.

Торможу и оглядываюсь.

– Не понял... Это что еще за нахер?

На моем кожаном диване, том самом, на котором я иногда позволяю себе отдохнуть после тяжелого дня, раскинулась... Выпяченная кверху голая женская жопа. В наглейшей позе. Со спущенными до колен кружевными трусиками.

Отворачиваюсь. Ну так, ради приличия, чтобы не глазеть так откровенно. Это какая бессмертная решила устроить в моем кабинете такой перформанс посреди рабочего дня? И, главное, как она сюда пробралась?

– Эй! – шикаю и ловлю секундный ступор, напрочь растерявшись, когда реакции от этой «жопы» не следует. Вообще. Ноль телодвижений!

Че за...

Делаю пару шагов по направлению к девушке и не сразу догоняю, что... она не настоящая! Жопа и ее обладательница – всего лишь максимально реалистичная, до жути очело-

веченная, звездочка какая дорогая, секс-игрушка.

Меня подбрасывает. Это что за шутки такие?

Подгребаю к дивану. На шее у развратной бабы красный бант и записка.

«Теперь у тебя есть своя Оленька, дружище! Будь с ней ласков!».

Своя... Оленька? Это...

Бля-я-ять...

Закрываю глаза рукой.

Я их убью. Поставлю к стене и расстреляю этих придурков! Кто, если не миньоны, могли выкинуть подобную дичь? Шутники хреновы. Лучше бы столько пахали, сколько они суют свои носы в мою койку!

Срываю долбанный бант с шеи искусственной бабы, разглядывая. Блондинка с каре. С задницей и сиськами, как у порноактрисы, в таких же развратных клетчатых чулках. Для всего доступная и на все готовая. Причем всегда. Класс!

Боюсь даже представить, какую кругленькую сумму эти два брата-акробата за этот кусок резины вывалили. А главное, каким образом они это безобразие сюда приперли. Надеюсь, не на глазах у всего ресторана светанули ее голыми прелестями?

– Ну и какого черта мне с тобой делать? – бурчу, присаживаясь на диван рядом со стоящей раком дамочкой.

Какого-то лешего начинаю ее рожу разглядывать. Даже глаза как у Ольки – темно-карие. Они чо, блять, ее по инди-

видуальному заказу делали?

Качаю головой и тянусь к телефону в заднем кармане джинс, не совсем удобно выворачиваясь бедрами в сторону искусственной рожи бабы, как дверь моего кабинета без стука распахивается, и возникает Лебедева со своим:

– Тук-тук, мож... – она осекается на полуслове, ее взгляд падает на «нас». На меня и на резиновую Оленьку.

Секунда оглушительной тишины. Я замираю в самой идиотской позе, которую только можно вообразить: полусидя-полулежа на диване, одной рукой копаюсь в заднем кармане, а другой почти обнимаю силиконовую блондинку, едва не уткнувшуюся мне носом в пах. Картина маслом «Не ждали».

Лебедева на глазах бледнеет и следом краснеет.

– Ой, извините, помешала... – тараторит, выходя из ступора.

Я, от неожиданности и какой-то совершенно детской паники, дергаюсь, взмахиваю рукой и, пытаюсь как можно быстрее принять вертикальное положение, подскакиваю с дивана. Неловко заезжаю голому убожеству коленом по лицу, и она-оно с грохотом падает на пол. Ногами кверху, являя миру все свои силиконовые прелести в самом неприглядном ракурсе.

Брови Лебедевой медленно ползут на лоб, на ее лице отражается чистое, незамутненное изумление. Мои глаза округляются от понимания, что стараниями этих двух идиотов я

оказался в очередной раз в капец какой неловкой ситуации! Но все становится в разы хуже, когда Ольга догоняет, что баба на полу – ненастоящая. Ее лицо на мгновение искажается, будто она борется с приступом чего-то очень сильного. А потом ее прорывает. Лебедева начинает смеяться. Не просто хихикать или улыбаться. Она начинает хохотать! Громко, заливисто, на весь, мать его, ресторан! Смеется так, что сгибается пополам, хватаясь за живот, а из глаз у нее брызжут слезы. Более идиотской ситуации не придумаешь...

– Ой, не могу... – выдыхает Лебедева, пытаясь отдышаться. – Романов... это... это что? Кризис среднего возраста? Или... или ты решил проблему со стояком таким... оригинальным способом?

Я чувствую, как кровь приливает к моему лицу, заливая его густым, предательским румянцем. Унижение. Такое концентрированное, что его можно было бы разливать по бутылкам и продавать как сильнодействующий яд. Эти два прикурка не просто меня подставили. Они меня уничтожили. Морально.

– Заткнись, Лебедева! – рычу я, но голос срывается.

– Нет, ну ты серьезно? – Она делает шаг в кабинет, бесцеремонно разглядывая силиконовое тело на полу. – А она ничего так... Формы пышные. И, главное, молчаливая, да? Не то что некоторые. Не язвит, не перечит. Идеальная женщина! Где взял? На «Алиэксспрессе» по скидке?

Ее смех, смешанный с язвительными комментариями,

действует на меня как удары хлыста. Я хочу провалиться сквозь землю. Испариться. Превратиться в маленькую, незаметную лужицу на полу. Но вместо этого я стою и обтекаю, пока она наслаждается моим позором.

– А это что? – кивает, отсмеявшись, на записку с бантом, по-прежнему зажатými у меня в руке. – Инструкция по использованию? Чтобы точно разобрался, куда... ну... тыкать? – ржет и тянет свои загибающиеся пальцы.

Я в последний момент успеваю отдернуть свою ладонь.

– Не твоего ума дело!

– Ой-ой-ой!

– Иди отсюда, а? Ради всего святого!

– И что, ты нас даже не познакомишь? Разве не для этого меня звал, босс? – начинается мой новый круг ада под звонкий хохот девушки. – Как зовут-то хоть, подругу? И она везде с тобой вот в таком «интересном» положении будет ходить или ее можно как-то разогнуть? Да, конечно, Романов, не думала, что у тебя настолько большие проблемы с женщинами, что ты начал себе баб из секс-шопа заказывать. Аха-ха!

Меня окончательно взрывает, а этот поток издевательств словами уже не заткнуть. Я молча глотаю гадости, а Ольга накидывает и накидывает «говна на вентилятор».

Все. Хватит. Мое терпение лопнуло.

Я делаю единственное, на что хватает моих мозгов и фантазии – сокращаю нашу дистанцию до минимума, резко скидываю руку и притягиваю Лебедеву к себе за затылок.

Затыкаю ее рот, генерирующий едкости без остановки, поцелуем. Впиваюсь в губы. Грубо. Властно. Почти с отчаянием. Напираю так, что у нее не остается ни малейшего шанса на сопротивление. Вкладываю в движение губ и грубое проникновение языка в ее рот – всю свою злость, обиду и жажду. Долбанную жажду по ее губам!

И она отвечает. Дезориентированная неожиданностью моего нападения, Лебедева позволяет мне завладеть ее ртом и охотно включается в игру языков...

Правда, длится это жалкие мгновения. После чего она начинает брыкаться и упираться. Я не отпускаю. Тогда эта стерва кусает меня.

Я шиплю и отлепляюсь от ее губ. В следующее же мгновение получая болезненную пощечину. Она заряжает так хлестко своим поставленным ударом, что мою голову по инерции слегка разворачивает. Да прямо на открывшуюся в кабинет дверь, в проеме которой вырастает Роксана.

Я слизываю с губы каплю выступившей крови.

Лебедева шипит кошкой:

– Мудак! – и вылетает из кабинета, едва не снося Рокс со своего пути.

Бывшая сканирует взглядом пространство вокруг и фокусирует свой взгляд на голой, мать его, Оленьке, валяющейся на полу кверху согнутыми в коленях и локтях конечностями. Сужает глаза до щелок:

– Это такие у тебя методы борьбы с импотенцией, Рома-

нов?

– В борьбе за стояк все средства хороши, – рычу я, не имея желания сегодня с ней расшаркиваться.

Рокс в два шага подлетает ко мне и от всей души заряжает мне ладонью по второй щеке. Не настолько «поставлено», как Лебедева, но тоже, мягко говоря, достаточно неприятно. Заряжает и, с чувством выругавшись, уносит свои «девяносто-шестьдесят-девянсто» вон из моего кабинета.

Я растираю ладонями горящие бородатые щеки.

Ну, за-ебись, чо!

Глава 12

Я вылетаю из кабинета Давида взбешенной кошкой. Рука, которой я влепила ему пощечину, горит огнем, а губы до сих пор пылают от его наглого, властного поцелуя. На пороге я едва не сшибаю с ног Роксану. Ее удивленное, слегка презрительное лицо – последнее, что я вижу, прежде чем влететь в свой собственный кабинет.

Дверь за моей спиной захлопывается с оглушительным грохотом. Внутри все клокочет. Кровь стучит в висках, а в легких не хватает воздуха.

Бессильно опускаюсь в кресло, зарываюсь лицом в ладони и беззвучно кричу, выпуская пар. В голове калейдоскоп из ругательств.

Скотина! Наглец! Козел!

Мысли в голове мечутся, как стая обезумевших птиц. Я готова была вернуться и вlepить ему еще раз, да посильнее. Чтобы неповадно было. Чтобы запомнил раз и навсегда, что Лебедева Ольга Александровна – это вам не силиконовая кукла, которую можно тискать, когда вздумается!

Как он посмел? После унижительного отказа, после его ледяного презрения, после этой идиотской ситуации с резиновой куклой... Романов просто взял и поцеловал меня! Как будто имел на это полное право! Как будто я – одна из его многочисленных игрушек, которую можно взять, когда захо-

чется, и выбросить, когда надоест!

Ярость сменяется волной унижения. Он застал меня врасплох. И самое отвратительное, самое мерзкое в этой ситуации то, что на одно короткое, предательское мгновение... мне понравилось. Да, черт возьми! Понравилось, как его сильные руки сжали мой затылок, не давая отстраниться. Понравился его грубый, требовательный напор, от которого подкосились ноги. Понравился вкус его губ – горький от кофе и до одури пьянящий. Понравилось, как его язык нагло и умело исследовал мой рот, заставляя забыть обо всем на свете.

Дава придурок, но, черт возьми, как же круто он целуется! И как же сильно я его хочу. Эта мысль, непрошенная и неуместная, вспыхивает в мозгу, заставляя щеки пылать еще сильнее. Я хочу его так сильно, что сводит зубы. Хочу до дрожи в коленях, до сладкого спазма внизу живота. И ненавижу себя за это. Ненавижу его за то, что он вызывает во мне эту бурю противоречивых эмоций.

Но после всего того дерьма, которое он на меня вылил. После его высокомерия и откровенной неприязни – моя женская гордость просто не позволит мне поддаться этому влечению. Никогда. Она просто вопила, требуя держаться от босса как можно дальше. И да, я лучше умру, чем дам Романову повод думать, что может вертеть мной, как ему вздумается. Не сдамся. Утрюсь, нарисую на лице самую очаровательную из своих улыбок и буду работать так, чтобы он по-

давился своей желчью от зависти. Да, так я и сделаю!

Проходит, наверное, минут десять, прежде чем я немного прихожу в себя. Шум в ушах стихает, сердцебиение приходит в норму. Я глубоко дышу, заставляя себя успокоиться. Подхожу к зеркалу. Картина не радует. Вид, мягко говоря, не очень. Волосы растрепаны, глаза лихорадочно блестят, щеки пылают, а губы припухли и выглядят так, будто меня только что очень страстно целовали. Что, в общем-то, и произошло. Кошмар.

Я быстро прихожу в порядок: умываюсь холодной водой, поправляю макияж, расчесываю волосы, расправляю плечи. Снова смотрю в зеркало. Уже лучше. Внешне – снова холодная и неприступная Ольга Александровна, управляющая элитным рестораном. А то, что внутри бушует вулкан, никто не должен знать. Особенно он.

Я заставляю себя вернуться к работе. Рутинка помогает отвлечься. Я погружаюсь в бумаги, пытаюсь выбросить из головы образ наглого мудака. Но он, как заноза, сидит в мыслях и не желает оттуда вылезать.

В какой-то момент желудок сводит от спазма, напоминая, что за весь день я не съела ни крошки. Аппетита нет от слова «совсем». Этот дьявол испортил мне не только настроение, но и пищеварение. Но мне нужно заставить себя что-нибудь съесть, иначе я просто упаду от истощения.

И тут мне в голову приходит идея. Я не буду прятаться в своем кабинете или в комнате для персонала. Нет. Я пойду

в зал. Сяду за один из столиков и буду есть у всех на виду. Покажу, что я в порядке. Что я контролирую ситуацию и ничто меня не выбило из колеи. Особенно какой-то дурацкий поцелуй.

Это будет мой маленький акт неповиновения. Моя демонстрация силы.

Я выхожу из кабинета, чеканя шаг. В зале пока немногочисленно – дневное затишье. Я выбираю самый дальний столик в углу, откуда хорошо виден весь зал, и грациозно опускаюсь на стул. Тут же подбегает официантка.

– Ольга Александровна, вам что-нибудь принести?

– Да, Марина, будь добра. Какой-нибудь легкий салат, на твое усмотрение. И воды, пожалуйста.

Пока я жду свой заказ, мой взгляд невольно скользит по залу, и я замечаю его. Моего рогатого босса у барной стойки, разговаривающего с барменом. Он стоит ко мне вполоборота, делая вид, что увлечен разговором. Наши глаза встречаются на долю секунды. В его – холодная ярость. В моих – ледяное безразличие. Я первая отвожу взгляд, делая вид, что мне нет до него никакого дела. Но сердце предательски пропускает удар.

Марина возвращается с моим заказом на удивление быстро. На подносе, помимо тарелки с салатом и воды, красуется маленькое пирожное, украшенное веточкой мяты и ягодами.

– Салат «Цезарь» с креветками и комплимент от шеф-повара, – с улыбкой объявляет официантка. – Шеф сказал, что

для лучшей управляющей ничего не жалко.

– Передай шефу мою благодарность, – киваю я, выдавливая из себя ответную улыбку. Комплимент, конечно, приятен, но аппетита он не прибавляет.

Я сижу за своим столиком и без особого энтузиазмаковыряюсь вилкой в тарелке. Креветки сочные, салат свежий, соус идеальный, но еда кажется безвкусной. Каждый кусочек застревает у меня в горле. Все мои мысли заняты мужчиной, который до сих пор стоит у бара и о чем-то вполголоса разговаривает с барменом. Хотя я уверена, что все его внимание сосредоточено на мне. Я чувствую его тяжелый, прожигающий взгляд. Давид не сводит с меня глаз, и это выводит меня из себя, заставляет нервничать и одновременно подстегивает мой боевой дух. По моей коже бегут мурашки – то ли от раздражения, то ли от чего-то еще, в чем я боюсь себе признаться.

И в этот самый момент, когда напряжение между нами, кажется, достигает своего пика, за мой столик, без спроса и предупреждения, материализуется еще один персонаж.

Я поднимаю глаза. Андрей Соколов. Тот самый холеный блондин в дорогом костюме, который уже не в первый раз пытается пробить брешь в моей обороне.

– Ольга? Не ожидал вас здесь увидеть в качестве посетителя. Вы же обычно порхаете по залу, как бабочка, а не сидите в одиночестве, – его улыбка обезоруживает, а в голубых глазах пляшут озорные искорки.

– Решила сделать перерыв, – сухо отвечаю я, мысленно проклиная его за эту несвоевременную инициативу. – Что-то не так с вашим заказом?

– С заказом все в полном порядке, спасибо, – он делает паузу, а потом решительно добавляет: – А вот с моим душевным спокойствием – не очень. Я все не могу выкинуть вас из головы.

Он садится на стул напротив, не дожидаясь приглашения. – Можно?

«А ты уже сел», – мысленно язвлю я.

Я краем глаза смотрю в сторону бара и вижу, как напрягся Давид. Он перестал разговаривать с барменом и теперь откровенно, не скрываясь, сверлит взглядом нашу компанию. В его глазах полыхает такая ярость, что, кажется, еще немного, и бокалы на стойке начнут лопаться. И в этой ярости я отчетливо вижу то, от чего у меня по спине пробегают мурашки – ревность и неприкрытое, откровенное, звериное чувство собственности. Он смотрит так, будто Андрей посягнул на его личную вещь.

И это становится последней каплей. Ах, так, Романов? Ты считаешь, что имеешь на меня какие-то права после всего, что было? Ну что ж, ты сам напросился!

Я резко меняю тактику. На моем лице расцветает самая милая и приветливая улыбка, на которую я только способна. Смотрю на Андрея, демонстрируя ему все свое внимание и расположение.

– Конечно, – щебечу я, демонстративно игнорируя бурю за барной стойкой. – Андрей, простите за мою холодность, просто день сумасшедший, – щебечу я. – Рада вас видеть.

– Взаимно. Вы сегодня прекрасно выглядите, Ольга, – тут же реагирует Соколов. – Этот цвет вам очень к лицу.

– Благодарю, – мурлычу я.

– Я, собственно, по делу, – Андрей переходит к наступлению. – Я вам на днях отправлял цветы. Надеюсь, они вам понравились?

– О, так это были вы? – я изображаю приятное удивление. – Они были чудесны. Спасибо.

– Я рад, что угодил. Ольга, я не буду ходить вокруг да около, – его голос становится серьезнее. – Вы мне очень понравились. Я бы хотел пригласить вас на свидание. Сегодня. Я знаю одно потрясающее место. Уверен, вам понравится.

Внутри меня все ликует. Это мой шанс. Мой контрольный выстрел в его огромное, самовлюбленное эго. Я вижу, что Давид все еще стоит у бара, он все слышит.

Прекрасно. Шоу должно продолжаться.

Я делаю вид, что на секунду задумалась, закусываю губу, как бы размышляя.

– Я не знаю, Андрей... У меня столько работы...

– Тем более! – подхватывает он. – Вам нужно отдохнуть и развеяться. Я обещаю, вечер будет приятным. Мы могли бы поужинать в хорошем месте, выпить вина... – он улыбается.

Я бросаю быстрый взгляд в сторону бара. Давид сжал ку-

лаки так, что побелели костяшки. Он готов взорваться. Идеально!

Поворачиваюсь к Андрею и, глядя ему прямо в глаза, произношу громко и четко, чтобы слышал каждый в этом зале, и в первую очередь – бородатый дьявол у барной стойки:

– С удовольствием, Андрей! Я согласна!

Вот тебе – контрольный в голову! Давид Игоревич Романов.

Глава 13. Дава

«Это не женщина, это – беда. Я с такой, как она – ни за что, никогда!» – гундосит по радио, пока я сижу под окнами Лебедевой и, собственно, на те самые гребаные окна и таращусь, выкуривая, черт знает какую по счету, сигарету. «За бортом» весь вечер моросит. Погода донельзя мерзопакостная. Серость, бледность и депресняк. В такую разве что страдать.

Я и страдаю. Со вкусом так. Ненавидя в этот момент Лебедеву за ее отвратительнейший характер и раздражающую сексуальность. И себя до кучи. За такую неоднозначную реакцию на девушку. Раньше я думал, что невозможно одновременно ненавидеть и хотеть. Теперь знаю, что это чувство и желание вполне себе прекрасно уживаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.